

А. М. АХУНДОВ, Ч. О. ОВЕЗБЕРДЫЕВ

ТАК БЫЛО

ОЧЕРКИ ИЗ ПРОШЛОГО АШХАБАДА

Н. П. Шапов. «Продавец хлеба». Ашхабад, 1928 г.

А. М. АХУНДОВ, Ч. О. ОВЕЗБЕРДЫЕВ

ТАК БЫЛО

Очерки из прошлого Ашхабада

Под редакцией Р. Г. Мурадова

МОСКВА
СТАРЫЙ САД
2023

УДК 82-94(5)
ББК 84стд1-442.3
Т15

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

И. М. (Рувим) Мазель. «Старый Ашхабад». 1930 г. Холст, масло. 75 x 158 см.
Государственный музей Востока.

НА ЧЕТВЕРТОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

С. Н. Бегляров. «Дервиши в караван-сараях». 1927 г.

НА АВАНТИТУЛЕ: Е. Р. Трипольская. «Восточный носильщик (Амбал)».
Фарфоровая статуэтка. Высота 221 мм. Ломоносовский фарфоровый завод. 1927 г.

Т15 Ахундов А. М., Овезбердыев Ч. О.

Так было (Очерки из прошлого Ашхабада) / Предисл. и комм.
Р. Г. Мурадова. М.: Старый Сад, 2023. 122 с., ил.

ISBN 978-5-89930-175-9

Воспоминания старых ашхабадцев посвящены жизни столицы Туркменистана в 1920-е годы. Они содержат колоритные картины быта тех лет, рассказывают о давно забытых реалиях провинциального города на южной окраине бывшей Российской империи, где мест памяти почти не осталось. Эта книга вносит свою лепту в наши представления о том, какова была будничная рутина ашхабадской жизни при раннем СССР. В качестве иллюстраций в книге использованы фотографии из личных архивов, а также почтовые открытки с видами города, в том числе изданные до революции. Книга рассчитана на всех, кто интересуется историей Ашхабада и подобных ему многонациональных городов Центральной Азии.

© Р. Г. Мурадов, ред., предисл., комм., 2023
© Старый Сад, 2023

ПРЕДИСЛОВИЕ

ИСЧЕЗНУВШИЙ МИР

Каждое поколение людей независимо от местожительства пребывает в той материальной, языковой среде и духовной атмосфере, что сложились к моменту их появления на свет. Эта среда и эта атмосфера могут сохраняться веками без видимых перемен, а могут преобразиться стремительно и необратимо, да так радикально, что родители перестают понимать язык и веру детей, а внуки и вовсе забывают, к какой культуре принадлежали их деды и прадеды. Именно такой великий перелом случился в истории России в двадцатые годы XX века. Сначала Русская революция, затем Гражданская война и иностранная интервенция на территории бывшей Российской империи, взятие власти большевиками на фоне краха прежних государственных структур и распада общества привели к тому, что всего за десять лет (1917-1927) страна стала до неузнаваемости другой: перемены коснулись не только политического режима, экономической системы и всех общественных институтов, религиозных верований, морали, но даже календаря и алфавитов. Такие потрясения немедленно изменили и архитектуру, и искусство, и быт.

Разрыв с прошлым, столь очевидный в материальном мире, еще более глубоко затронул мир духовный. По сути, случился исторический раскол, сопоставимый, быть может, с эпохой зарождения христианства, когда всеобщее язычество впервые было поколеблено идеей единобожия. И вот в 1922 году от Рождества Христова на одной шестой части суши появилось первое в мире государство, в котором право атеистической пропаганды было внесено в Конституцию. С верой, что Бога нет, миллионы людей в нашей огромной стране молча взирали, либо участвовали в профанации всех конфессий, уничтожении культовых объектов и разграблении их имущества. Такого вызова христианству, исламу и всем остальным религиям никто в истории еще не бросал. Но это лишь одна, хотя и самая наглядная сторона тотального перехода от архаики к модерну, – того тектонического разлома, который не был, конечно, внезапным, а созрел в западной культуре начиная с эпохи Просвещения.

Распространившись в европейской части России, революционные идеи проникли и в её азиатскую часть, где время текло иначе. Тем более контрастным, драматичным, конфликтным оказался переход «от феодализма к социализму, минуя капитализм», как утверждал Ленин¹. Опыт Советского Союза демонстрирует экстраординарную, но оказавшуюся трагической попытку создать общество вне капитализма, на основе коммунистической идеологии.

Исследователи отмечают, что «в “современности” центрально-азиатских обществ советского периода было много поверхностного, внешнего, но и в этом случае ее не следует недооценивать. Грань между “внешним” и “внутренним” подвижна, одно переходит в другое, маска порой прирастает к лицу так, что их невозможно разделить. В целом советская система, несомненно, смогла запустить механизм модернизации в Средней Азии. Но она не сумела довести ее до конца и в более развитых районах СССР, а противоречивость и незавершенность модернизации в Средней Азии видны с особой наглядностью»².

Всё это очень хорошо отражено в литературе XX века – и художественной, и документальной; в книгах, написанных как активными приверженцами революции и советской власти, так и их непримиримыми оппонентами. Еще больше было написано и осмысленно потом, спустя годы и десятилетия, и в этой категории сочинений преобладают уже не мемуары, а труды историков. Тем не менее, интерес, прежде всего научный, к столь бурному периоду, кровавому и страшному, но в то же время полному яростного порыва униженных и оскорбленных, поверивших в социальную утопию, к иллюзии светлого будущего, не иссякнет, пожалуй, никогда. Лишь за последние 30 лет на Западе и в России издано несколько фундаментальных трудов на эту тему, раскрывающих каждый по-своему сложность и противоречия семидесятилетнего периода в истории бывшей Российской империи, именуемого всё чаще «советским веком»³. Но осо-

¹ См., например его «Доклад комиссии по национальному и колониальному вопросам» (Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 41. Май – ноябрь 1920. М.: Политиздат, 1974. С. 241-247).

² Вишневский А. Г. Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. 2-е изд. М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. С. 290.

³ Наиболее важными являются следующие: Werth N. Histoire de l'Union soviétique. De l'Empire russe à la Communauté des États indépendants, 1900-1991. 630 p. (русское издание: Верт Н. История Советского государства. Пер. с франц. М.: Прогресс-Академия, 1992. 544 с.) Hirsch F. Empire of Nations: Ethnographic knowledge the making of the Soviet Union. Ithava – London: Cornell University Press, 2005. 367 p. (русское издание: Хирш Ф. Империя наций. Этнографическое знание и формирование Совет-

бую ценность для исторической науки представляют свидетельства современников тех лет, участников и очевидцев, которые поделились своими воспоминаниями с потомками.

Одним из таких документов является и эта небольшая книга. Её путь к читателям был очень долг. Она могла и вовсе исчезнуть, как пропали бесследно сотни и тысячи сочинений разных авторов минувшего века, несмотря на известное заклинание, что «рукописи не горят». В этом же случае провидение распорядилось иначе, и вот книга, пролежавшая в виде машинописной рукописи без малого 60 лет в домашнем архиве семьи одного из авторов, теперь перед вами. Законченная в 1965 г., она так и не была в свое время опубликована – несмотря на то, что оба ее автора являлись системными советскими специалистами, занимавшими достаточное весомое положение в обществе.

Кандидат физико-математических наук Ахмед Мамедович Ахундов (1914-1986) двадцать лет являлся бессменным ректором Туркменского политехнического института со дня его основания, а кандидат философских наук Чары Овезович Овезбердыев (1925-1992) заведовал кафедрой философии в том же вузе. Один – коренной ашхабадец, другой – уроженец села Мюлькбюкри Векильбазарского района Марыйской области. Оба коммунисты, фронтовики, сполна познавшие войну. Один служил политруком и пехотинцем, другой – разведчиком.

А. М. Ахундов – один из первых выпускников Ашхабадского педагогического института, организованного в 1931 г. После службы

ского Союза. Пер. с англ. М.: Новое литературное обозрение, 2022. 472 с.); *Yurchak A. Everything Was Forever, Until It Was No More: The Last Soviet Generation*. Princeton University Press, 2005. 352 p. (русское издание: *Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось: Последнее советское поколение*. М.: Новое литературное обозрение, 2021. 664 с.); *Мунчаев Ш. М., Устинов В. М. История Советского государства*. 2-е изд., доп. и перераб. М.: Норма, 2008. 720 с. *Колодникова Л. П. Советское общество 20-х годов XX века: по документам ВЧК-ОГПУ*. М.: Наука, 2009. 479 с. *Булдаков В. П. Красная смута: Природа и последствия революционного насилия*. Изд. 2-е, доп. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 967 с. *Lewin M. The Soviet Century*. London – New York: Verso, 2016; *Graziosi A. History de l'URSS*. Paris: Presses Universitaires de France, 2010. 624 p. (русское издание: *Грациози А. История СССР*. Пер. с франц. М.: Политическая энциклопедия, 2016. 632 с.); *Velikanova O. Popular Perceptions of Soviet Politics in the 1920s: Disenchantment of the Dreamers*. Basingstoke, Hampshire : Palgrave Macmillan, 2013, 262 p. (русское издание: *Великанова О. В. Разочарованные мечтатели: Советское общество 1920-х гг.* Пер. с англ. М.: Политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2017. 295 с.); *Schlögel K. Das sowjetische Jahrhundert: Archäologie einer untergangenen Welt*. 912 pp. Munich: C. H. Beck, 2018 (англ. издание: *Schlögel K. The Soviet Century: Archaeology of a Lost World*. Princeton University Press, 2023. 928 p.).

в армии (1936-1937) работал преподавателем математики и физики в ашхабадском Гидроземтехникуме с перерывом в 1939 г., когда после окончания с отличием ускоренных курсов военных летчиков участвовал в боях на Халхин-Голе младший штурманом в звании младшего лейтенанта ВВС. В 1941 г. он снова на военной службе. С начала войны с Германией находился в составе контингента советских войск в Иране – в политуправлении 53-й армии. Осенью 1941 г. Исполнял обязанности секретаря Ашхабадского обкома комсомола по военной работе, а в декабре 1941 г. отправился на фронт, воевал в составе 87-й Туркестанской отдельной стрелковой бригады. Был помощником начальника политотдела, через год получил звание старшего лейтенанта, в марта 1943 г. стал капитаном. В мае-августе 1943 г. являлся заместителем начальника политотдела 119-й стрелковой дивизии 4-й ударной армии Первого Прибалтийского фронта. С августа 1943 по июль 1944 г. он заместитель командира полка по политчасти 365-й стрелкового полка 119-й дивизии. С декабря 1943 г. в звании майора. 17 июля 1944 г. в боях под Полоцком получил осколочное ранение бедра – правый тазобедренный сустав был полностью раздроблен. Категорически отказался от ампутации ноги, но, по счастью, выжил. До весны 1946 г. находился в госпитале в Свердловске, после чего вернулся в Ашхабад с пожизненной инвалидностью. На войне получил медаль «За отвагу», орден Отечественной войны I степени и орден Красного знамени. Уже в послевоенной жизни был удостоен ордена Ленина – высшей государственной награды СССР.

Вернувшись домой, А.М. Ахундов был сначала ассистентом, затем старшим преподавателем кафедры математического анализа в Ашхабадском пединституте. В ночь землетрясения 6 октября 1948 г. был тяжело ранен и его перевезли самолетом к родственникам в Баку, где он оставался до начала 1949 г. Параллельно, с 1946 по 1949 гг., учился в аспирантуре. После преобразования пединститута в Туркменский государственный университет (ТГУ) в 1950 г. продолжил работу там – сначала старшим преподавателем кафедры высшей алгебры, затем, с 1953 по 1958 гг. – деканом физико-математического факультета. В 1953 г. в Баку защитил кандидатскую диссертацию, с 1959 г. доцент. В 1958-1963 гг. он зав. кафедрой матанализа ТГУ. Со дня образования Туркменского политехнического института в 1963 г. возглавлял этот вуз. В 1984 г. он ушел с поста ректора и последние два года жизни преподавал там же на кафедре высшей математики.

Чары Овезбердыев был младше своего друга на одиннадцать лет и ушел на фронт прямо со школьной скамьи, в 1943 г. Воевал в со-

Ахмед Мамедович Ахундов
(1914-1986)

ставе 3-го Белорусского фронта в должности младшего лейтенанта войсковой разведки. Дважды был ранен. После взятия Кёнигсберга в апреле 1945 г. отправлен в Манчжурию (Китай), где участвовал в боях с японской армией по освобождению Китая. Закончил армейскую службу в должности старшего лейтенанта. Награждён орденом Красной Звезды, медалями «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За победу над Японией» и др. После демобилизации поступил в Ашхабадский педагогический институт, затем учился в аспирантуре в Москве.

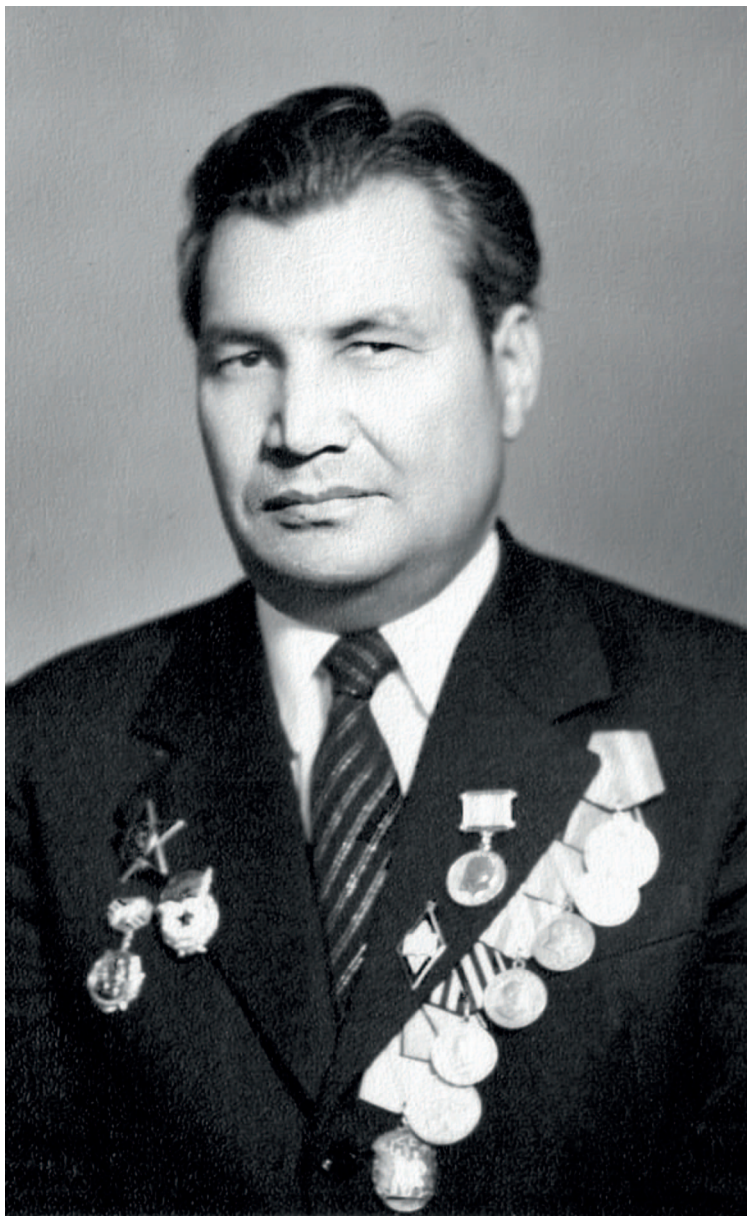
В 1953 г. Ч. Овезбердыев защитил кандидатскую диссертацию на тему «Образование и развитие туркменской социалистической нации». «Эта работа явилась первой попыткой дать научно обоснованный ответ на вопрос о степени национальной консолидации туркменского народа до революции, – отмечалось в коллективной монографии отдела философии и права Академии наук Туркменской ССР. – Ч. Овезбердыев утверждал, что туркмены еще до революции сложились в буржуазную нацию, но ввиду слабости экономических отношений туркменская буржуазная нация была незрелой. Впоследствии автор пересмотрел свою точку зрения»⁴. Он публиковался по этой теме в теоретическом журнале «Коммунист Туркменистана», его статьи и брошюры, в том числе и на туркменском языке, посвященные ленинской национальной политике, развитию национальных культур, языков и вопросам сближения наций при социализме в те годы издавались Туркменгосиздатом. Сам он сначала преподавал философию в ТГУ, потом заведовал кафедрой философии в Туркменском политехническом институте.

И вот два уважаемых человека, два друга написали воспоминания о своем городе, о том, каким он был в двадцатые годы, когда назывался Полторацком. Сегодня это название уже, пожалуй, ничего не говорит новым поколениям жителей столицы Туркменистана: это имя вычеркнуто из школьных учебников, стерто с названий улиц городов⁵. Но как бы не относились мы к советскому прошлому, знать его надо хотя бы на самом элементарном уровне.

Очень краткая канва событий позволяет представить, что творилось в этом уголке Азии в то время, когда Европу еще сотрясали

⁴ Очерки истории философской и общественно-политической мысли в Туркменистане. Под ред. Ш.Ф. Мамедова. Ашхабад: Ылым, 1970. С. 457.

⁵ В частности, Ширванская ул. в Ашхабаде (ныне застроенная) была переименована в ул. Полторацкого, его имя носили главная улица города Мары (ныне ул. Махтумкули), а также улицы в Ташкенте (ныне Нукуская) и Чимкенте (ныне Гиляева). Сохранилась только ул. Полторацкого в Ростове-на-Дону.

Чары Овезович Овезбердыев
(1925-1992)

бои Первой мировой войны, а следом разразилась испанка – самая смертоносная пандемия гриппа в истории человечества. Потрясения в общественно-политической жизни Асхабада⁶ начались в 1917 году, после упразднения Российской империи в ходе Февральской революции. В условиях острого экономического кризиса и растущей социальной напряженности возникли массовые беспорядки. Наряду с представителями временного правительства Керенского действовали революционные силы, возникло национальное движение туркмен за свою независимость. 22 ноября 1917 года небольшой местной группе большевиков удалось захватить власть в Асхабаде, но их политика привела к восстанию русских рабочих и туркмен Асхабадского уезда, вспыхнувшему 17 июня 1918 года. Несмотря на попытки большевиков ввести в городе военно-осадное положение, после ожесточенных уличных боев 11-12 июля на смену их диктатуре пришло временное правительство Закаспийской области, поддержанное Великобританией, которая уже в августе начала военную интервенцию.

Вот в эти горячие полгода в Туркестанском крае промелькнула фигура большевика Павла Герасимовича Полторацкого (1888-1918), по иронии судьбы на несколько лет давшего свое имя Ашхабаду – городу, в котором сам он никогда не был. Уроженец Новочеркасска, он происходил из рабочей семьи и сам начинал трудиться наборщиком в типографии, пока не занялся подпольной революционной деятельностью в Ростове-на-Дону и Баку. В конце 1917 г. был направлен большевистским правительством в Центральную Азию, где в качестве народного комиссара труда принял самое активное участие в установлении советской власти. Действовал в Ташкенте, Новой Бухаре (Каган), Чарджуе и Мерве, откуда собирался в Асхабад для переговоров с лидерами антибольшевистского восстания, но 22 июля 1918 г. был убит восставшими рабочим-эсерами⁷.

Тем временем успехи большевиков на основных фронтах Гражданской войны, охватившей всю бывшую империю, побудили англичан в апреле 1919 года вывести свои войска, а 8 июля город, все еще находившийся в руках «белого правительства», был сдан без боя наступавшим частям Красной армии. Новыми властями Асха-

⁶ Такая транслитерация этого топонима стала употребляться по-русски с начала 1870-х гг. (см., например: *Стебницкий И.* Заметки о Туркмении. Тифлис, 1871. С. 50-51) и оставалась нормативной в России фактически до 1927 г., т.к. и после переименования в Полторацк нередко продолжали писать в скобках *Асхабад* для пояснения.

⁷ См. о нём: *Нежный А. И.* Огонь над песками. Повесть о Павле Полторацком. 2-е изд. М.: Политиздат, 1987 (серия «Пламенные революционеры»).

бад был сразу переименован в Полторацкий – в память о погибшем соратнике. Новое название вскоре приобрело более краткую форму – Полторацк⁸. Город оставался административным центром Закаспийской области, которая в 1921 г. была переименована в Туркменскую область, а с 1925 г. стал столицей Туркменской Советской Социалистической Республики, образованной в составе СССР.

В самом начале советской власти Полторацк испытывал острую нужду в предметах первой необходимости. Внешнеторговые связи были разорваны, из всех попыток возобновить деятельность местных промышленных предприятий удалась лишь постройка стекольного завода. Город начал оправляться от разрухи только в 1922 г. Медленно оживала торговля, развивалась кооперация. Центральная часть бывшего Асхабада утратила былой аристократический лоск, фасады старых общественных зданий преобразились за счет обилия красных транспарантов с различными лозунгами и названиями советских организаций.

Получив столичный статус, город стал быстрее выходить из оцепенения, вызванного последствиями недавней войны. Все сохранившиеся объекты частной собственности, кроме жилищ, были национализированы, повсеместно началась их реконструкция. Капитальные дома в центральной части города заняли в основном правительственные и просветительские учреждения. Церкви и мечети закрыли и приспособили под светские нужды. Восстанавливалась промышленность, быстро прибывало население. Если в 1917 г. в Асхабаде проживало около 35–40 тыс. человек, то к 1920 г. осталось не более 26 тыс., но уже спустя три года число жителей возросло до 33,5 тыс., а к 1926 г. достигло 51,6 тыс.⁹ В 1923 г. основные группы населения Полторацка составляли персы, азербайджанцы, курды (35,2%), русские, украинцы, белорусы (35,7%), армяне (20,4%), прочие европейские национальности (8,1%), туркмены, узбеки и казахи (0,6%)¹⁰. Но национальный состав горожан заметно менялся, так как

⁸ Название Полторацк продержалось неполных 8 лет: 7 апреля 1927 г. город переименовали обратно вместе с городом Ленинск (бывш. Чарджуй) и станцией Гинцбург (бывш. Каахка), «считаясь с тем, – сказано в соответствующем постановлении, – что переименования среди трудящихся масс коренного населения не привились и население продолжает именовать указанные населенные пункты их прежними наименованиями» (Центральный государственный архив Туркменистана. Ф.1, оп. 3, д.140, л. 118). Однако, с этого времени стали писать уже не Асхабад, а Ашхабад, что ближе к туркменскому произношению.

⁹ Кадиров Ш. Х. Ашхабадская катастрофа (Историко-демографический очерк крупнейшего землетрясения XX в.). Ашхабад: Туркменистан, 1990. С. 32.

¹⁰ Весь Туркменистан. Полторацк: Издание газеты «Туркменская искра», 1926. С.245.

бывший транзитный пункт, через который шла активная торговля с Персией, превратился в более замкнутый и ориентированный на индустриализацию социалистический город, а власть начала так называемую коренизацию (выдвижение на руководящие должности представителей титульной нации), чтобы сгладить противоречия между центральной московской властью и коренным населением советских республик. По данным переписи 1926 г. в составе жителей Ашхабада было уже 2,2% туркмен, а в 1939 г. – 11,7%. В дальнейшем этот процент всё больше и больше возрастал¹¹. Правда, все эти данные относятся лишь к европейской части города и не учитывают старое население его азиатской части.

Как известно, в период Гражданской войны Советское государство проводило политику «военного коммунизма», которая не только не вывела Россию из экономической разрухи, а лишь усугубила ее. Нарушение рыночных отношений вызвало развал финансов, сокращение производства в промышленности и сельском хозяйстве, население городов голодало. Однако централизация управления страной позволила большевикам мобилизовать все ресурсы и удержать власть. С 1921 г. в стране проводилась инициированная Лениным так называемая новая экономическая политика (НЭП), допускавшая использование рыночных механизмов, различных форм собственности и привлечение иностранного капитала. Но уже во второй половине двадцатых партийно-государственное руководство СССР сформулировало важнейшую задачу экономического развития – превращение страны из аграрной в индустриальную, обеспечение ее экономической независимости и укрепление обороноспособности. Неотложной потребностью должна была стать модернизация экономики, главным условием которой являлось техническое совершенствование (первооружение) всего народного хозяйства¹².

Находясь на периферии огромной державы, Полторацк, тем не менее, вовсе не был изолирован от Москвы и переживал те же процессы, что и остальные советские города. И в нём кипели политические страсти внутри коммунистической партии между сталинистами и троцкистами. Еще были живы и активно действовали их общие идейные враги – те, кто не принял советской власти и боролся с ней всеми доступными средствами, включая террор (так называемое ба-

¹¹ Батыров А., Фрейкин З. Ашхабаду – 100 лет. Ашхабад: Туркменистан, 1981. С. 42.

¹² Колодникова Л. П. Советское общество 20-х годов XX века: по документам ВЧК-ОГПУ. М.: Наука, 2009. С. 139-140.

смачество). Наконец, это было время начала огромной работы по созданию современной системы здравоохранения и всеобщего народного образования. Спустя столетие можно припомнить большевикам массовые репрессии и голод, ставший следствием их экономической политики, но нельзя не видеть их огромные усилия по модернизации патриархального общества. Пресловутый переход от феодализма к социализму состоялся в далеко не идеальной форме, но он состоялся, несмотря на огромные жертвы и разрушения. И, пожалуй, главным достижением тех лет стало создание национальной государственности – в то время еще формальной, но именно в тех границах, которые ныне являются границами независимого Туркменского государства.

Наша память избирательна и далеко не совершенна, любые воспоминания всегда субъективны, да еще и процежены через сито самоцензуры, а уж информативность советской мемуаристики особенно фрагментарна, полна умолчаний и табу. Давно подмечено: чем выше была образованность живших в СССР авторов воспоминаний, писем или дневников, тем, как правило, меньше можно из них узнать. Причин тому немало: это и пренебрежение к деталям обыденной жизни, и в ещё большей степени – осторожность, для которой имелось предостаточно оснований¹³. Но авторы этой книги как раз-таки проявляют внимание к подробностям быта, будничной рутине повседневности. Короткие очерки, составившие их сочинение, основаны, прежде всего, на детских воспоминаниях А.М. Ахундова, а запись и литературная обработка текста принадлежит, безусловно, Ч.О. Овезбердыеву. Сами они в повествовании отсутствуют, но личный опыт Ахмеда Мамедовича, конечно, проявлен и в рассказе о нравах персидской школы, в которой он учился, и в ярких сценах городской жизни, тогда еще мало изменившейся с дореволюционной поры.

Но почему же этот их совместный труд пришелся не ко двору? Возможно, они рассказали о том, что вспоминать было не принято в то время, когда они это писали. Кому-то показалось излишним описывать, например, Вшивый базар в центре Ашхабада, когда требовалось говорить о роли партии в «великих преобразованиях новой эпохи». Характерным примером «правильной» публикации является изданная в 1974 г. к 50-летию образования Туркменской ССР книга-альбом «Ашхабад» Аннамухаммеда Клычева (1912-1990),

¹³ Глазыхев В. Л. Послесловие // Козлова Н. Н. Советские люди. Сцены из истории. М.: Европа, 2005. С. 490.

занимавшего в то время вторую по значимости должность в республиканском руководстве – он был председателем Президиума Верховного Совета ТССР. Почти ровесник Ахундова, он не стал писать ничего личного, кроме упоминания о том, что в 1925 г. оказался среди детей, прибывших в Ашхабад со всех концов республики на учёбу в Первую туркменскую опытно-показательную школу¹⁴. Так что ответ на вопрос, почему книга Ахундова и Овезбердыева так и не увидела света при жизни авторов, кроется, скорее всего, в том, что она не была одобрена теми инстанциями, которые решали, что может, а что не может быть опубликовано.

А как писали об Ашхабаде другие авторы, чьи книги печатались в тот период? Таких совсем немного: в отличие от многих городов СССР, особенно столичных, Ашхабад очень слабо отражен в как научной, научно-популярной, так и в художественной литературе. Более того, история этого города профессиональными историками не написана до сих пор.

Между тем, отдельные попытки собирать материалы по истории Ашхабада предпринимались с первых лет русской колонизации, начавшейся в 1881 г. Об этом свидетельствуют как отдельные публикации в газете «Асхабад»¹⁵, так и архивные документы. На заседании Закаспийского кружка любителей археологии и истории Востока (ЗКЛАИВ) 7 мая 1916 г. его председатель, начальник Закаспийской области генерал Н. К. Колмаков огласил поступившее из Ташкента письмо известного исследователя Центральной Азии, историка и этнографа Н. П. Остроумова, который предлагал членам ЗКЛАИВ приступить к составлению «Истории г. Асхабада». Тогда же постановили *«не откладывая время, приступить к собиранию различных материалов, относящихся к истории г. Асхабада. Причем решено обратить внимание не только на архивный материал, но и на устные сказания туркмен – стариков и участников завоевания Ахал-текинского района»*. Колмаков одобрил пожелания некоторых членов кружка, чтобы к составлению «Истории г. Асхабада» было привлечено и Асхабадское Городское Присутствие, которое могло бы объявить премию за составление указанного научно-популярного труда¹⁶. Сделать тогда ничего не успели, так как вскоре кружок прекратил существование: начались революционные события, затем Гражданская война.

¹⁴ Клычев А.-М. Ашхабад. Ашхабад: Туркменистан, 1974. С. 43-44.

¹⁵ См., например: «Асхабад», 1903 г., № 134.

¹⁶ Протоколы ЗКЛАИВ, вып. 2. Асхабад, 1916. С. 5.

Лишь десять лет спустя, уже при советской власти, в четырех номерах журнала «Туркменоведение» вышли «Очерки по истории Ашхабада» местного краеведа Н. И. Романова, написанные по архивным материалам и охватывающие период с 1881 по 1905 г.¹⁷ Прошло еще больше двух десятилетий, прежде чем Ашхабад стал темой одной-единственной диссертации¹⁸ и отдельных публикаций, которые носили в целом казённо-официозный характер, в строгих рамках государственной идеологии, с опорой на марксизм и с уклоном в социалистическую экономику. Их авторы – не историки, а географы (В. Б. Жмуйда, З. Г. Фрейкин, А. Г. Бабаев, А. Б. Батыров), либо чиновники (А.-М. Клычев, Х. Караев) и журналисты (Е. Кленов, Л. А. Корзун, И. Р. Пасевьев). Но и таких работ совсем мало, их можно сосчитать на пальцах¹⁹.

К 100-летию города Ашхабада, которое широко отмечалось в 1981 г., было издано несколько работ, среди которых и брошюра Общества «Знание» Туркменской ССР «Ашхабад – вчера, сегодня и завтра», которую подготовил А. М. Ахундов. Но в ней нет совершенно ничего из того, что он написал ранее в соавторстве с Ч. О. Овезбердыевым. Наиболее заметными публикациям юбилейного года стали сборник извлечений из документов и периодики «Хроника истории Ашхабада (1881-1975 гг.)» под редакцией Г. Г. Меликова, вышедший под грифом Центрального государственного архива ТССР в академическом издательстве «Ылым», а также экономико-географический очерк Аллаша Батырова и Захара Фрейкина²⁰. Особо стоит выделить серию газетных очерков историка, журналиста и краеведа Марата Дурдыева «Старый Ашхабад: страницы истории»²¹, в которых рассказывается об отдельных улицах и постройках конца XIX-начала XX в. Постсоветская эпоха отмечена несколькими круп-

¹⁷ «Туркменоведение», 1927, № 1, с. 18-23; № 4, с.39-43; 1928, № 7-8, с.59-68; № 9, с. 39-48.

¹⁸ Тарасов Ю. М. История города Ашхабада (1881-1917). Автореферат диссертации кандидата ист. наук. Ашхабад, 1950.

¹⁹ Жмуйда В. Б. Ашхабад. М.: Географиз, 1957. 72 с.; Бабаев А., Фрейкин З. Ашхабад (Географический очерк). Ашхабад: Туркменгосиздат, 1957. 108 с. Клычев А., Норманд В. Ашхабад и его будущее. Ашхабад: Туркменгосиздат, 1964; Бабаев А. Г. Наш Ашхабад. Ашхабад: Туркменистан, 1970; Караев Х. Ашхабад – столица Туркменистана. Ашхабад: Туркменистан, 1974; Клычев А. Ашхабад. Ашхабад: Туркменистан, 1974. 160 с.; Кленов Е. Ашхабад [Фотоальбом]. М.: Прогресс, 1976 (серия «Столицы союзных республик»); Пасевьев И. Ашхабад. Путеводитель. М.: Прогресс, 1982. 104 с.

²⁰ Батыров А. Б., Фрейкин З. Г. Ашхабаду – 100 лет. Ашхабад: Туркменистан, 1981. 156 с.

²¹ «Вечерний Ашхабад» с 23 июля 1991 г. по 13 февраля 1992 г.

ноформатными фотоальбомами с видами современного города, с минимальным наличием дежурных текстов. Лишь три книги и один путеводитель дают опять-таки весьма лаконичную информацию по истории Ашхабада²².

Очень скудно представлен этот город и в творчестве советских писателей. У него не было своего Эмиля Золя (стоит вспомнить его роман «Чрево Парижа»), не было своего Гиляровского – автора «Москвы и москвичей» и нет своего Орхана Памука с его «Стамбулом». Тематика большинства произведений туркменской литературы XX века связана с преобразованиями на селе, вызванными революцией, а также с общечеловеческой проблематикой, рассмотренной в контексте сельской жизни. Городская проза как жанр не сложилась, что вполне объяснимо: все без исключения писатели, заявившие о себе в прошлом столетии и писавшие на туркменском языке, были выходцами из провинции, прекрасно знали крестьянский быт, любили свое село, а не город, что и предопределило содержание их сочинений. Исключение, пожалуй, составляет лишь самый именитый представитель туркменской прозы Берды Кербабаяев (1894-1974), в чьем романе-хронике о жизни революционера и государственного деятеля Кайгысыза Атабаяева немало сцен происходит в Полторацке. Ценность их в том, что это не реконструкция по историческим источникам, а свидетельство современника описываемых событий²³. Еще один пример такого рода – очерк Рахима Эсенова (1927-2022) – русскоязычного писателя, журналиста, историка, уроженца Ашхабада, посвятившего родному городу немало страниц, воссоздающих городскую атмосферу времен его детства²⁴.

Единственный роман, в названии которого фигурирует Ашхабад, написала украинская поэтесса и прозаик Агата Турчинская (1903-1972), оказавшаяся там в эвакуации в годы Великой Отечественной войны²⁵. Это простая, непритязательная беллетристика, но фоном показан Ашхабад 1941-1943 гг. Позже примерно в такой же манере работал ашхабадский писатель Валентин Рыбин (1928-2006):

²² Хаджиева Д.А. Архитектура Ашгабата. А.: Ылым, 1995. 121 с. Мурадов Р.Г. Ашхабад: город – любовь – судьба. Ашхабад: Туркмен Пресс, 1996. 144 с.; Гундогдыев О.А. Ашхабад – город божественного Арсака. Ашхабад: Мирас, 2005. 208 с. Комаров В. Прогулка по городу любви и надежд (Путеводитель по Ашхабаду). Ашхабад: Туркменская государственная издательская служба, 2012. 208 с.

²³ Кербабаяев Б. М. Чудом рожденный (Кайгысыз Атабаяев). Роман-хроника. Авториз. пер. М. Дальцевой и Н. Атарова. М.: Советский писатель. 1967.

²⁴ Эсенов Р. М. Весна пришла с севера. М.: Мысль, 1987. С.129-142.

²⁵ Турчинская А. Ф. Мой друг – Ашхабад. Роман. Авториз. пер. с укр. Н. Роговой. М.: Советский писатель, 1960.

его колониально-местечковые романы «Огненная арена» (1981), «Закаспий» (1987) и «Разбег» (1984) охватывают период с 1904 до 1945 г. и содержат колоритные сцены старого Ашхабада, но это уже художественная реконструкция человека другого поколения.

Та среда, которую запечатлели Ахундов и Овезбердыев, отчасти отражена в романе московского писателя Петра Скосырева (1900-1960) «Стрелок из лука (Мальчишество Хасена)», написанном в 1937-1938 гг. и впервые опубликованном в 1958 г. Его действие происходит в персидских кварталах и на одном из базаров Асхабада, накануне и во время революции 1917 г. Этот роман отмечен не только психологической достоверностью характеров персонажей и образа главного героя – подростка, чьими глазами показан город, но и бытовыми, а также топографическими подробностями, что свидетельствует о несомненной компетентности автора. Одно дело – сочинять по чужим впечатлениям – как Жюль Верн, писавший об Ашхабаде в романе «Клодиус Бомбарнак» (1893), и совсем другое дело – описывать то, что видел сам.

В этом отношении очень любопытно, как изобразил город классик советской детской литературы Аркадий Гайдар (1904-1941). Он застрял в Полторацке в 1926 г. во время своего авантюрного путешествия по Средней Азии. Об этом – несколько страниц в написанной по горячим следам его ранней романтической повести «Всадники неприступных гор», где уже ощутимо мастерство одного из лучших стилистов в русской прозе двадцатых-тридцатых годов. Некоторые его впечатления полны иронии: *«Город начинал надоедать. Город – скучный, сонный. Как-то развернул я газету и рассмеялся: там было извещение о том, что “созывается особая междуведомственная комиссия по урегулированию уличного движения”. Что же там регулировать? Разве что редко-редко придется остановить пару-другую нагруженных саксаулом ишаков и пропустить десяток навьюченных верблюдов, отправляющихся в пески Мервского оазиса»*²⁶. Гайдар не вписывается в тот идейно-стилевой канон советского ориентализма, который сложился после первого десанта в Туркменистан группы московских литераторов в составе Всеволода Иванова, Леонида Леонова, Владимира Луговского, Петра Павленко, Григория Санникова и Николая Тихонова весной 1930 г.²⁷ Двое из них, кстати, посвятили

²⁶ Гайдар А. П. Лесные братья. Ранние приключенческие повести. М.: Правда, 1987. С. 243.

²⁷ Облонский А. Первая ударная бригада писателей в Туркмении // «Туркменоведение», 1930, № 4-5. С.52-54.

Ашхабаду тех лет достаточно проникновенные строки²⁸. Особое место в скромном перечне таких текстов занимает «Тринадцатый караван» Михаила Лоскутова (1906-1941) – незаурядного представителя советской публицистической прозы тридцатых годов.

Из всех названных сочинений можно извлечь множество элементов мозаики, которые складываются в общую картину и позволяют если не увидеть, то хорошо представить нечто целое – образ города, более не существующего, но увековеченного в художественных текстах, фотографиях, рисунках художников. Эти, говоря словами Владимира Набокова, «впечатления живого мира», есть и в очерках Ахундова и Овезбердыева. Свою книгу они называли «Так было», что очень точно передает её содержание. О том, «как стало», авторы не пишут, это подразумевается само собой, но их название подчеркивает контраст с современностью, который был очевиден в 1965 году и еще более резким стал в начале XXI века.

Ашхабад, по сути, город-палимпсест, живущий поверх почти начисто и многократно переписанной истории и культуры, с которой его уже мало что связывает. Мест памяти там почти не осталось. Причина и в трагедии 1948 года, и нескончаемой череде сносов всего, что уцелело после землетрясения, на протяжении всех последующих десятилетий. Но книга «Так было» вовсе не об архитектуре: она вносит свою лепту в наши представления о том, какова была будничная рутина ашхабадской жизни при раннем СССР, то есть в обществе, которое оказалось заложником невиданного в истории социального эксперимента: создания нового государства без частной собственности, без рыночной экономики, без классовых различий. В середине двадцатых все это еще оставалось по инерции и поддерживалось НЭПом. Централизация власти тогда еще не достигла максимума, впереди был «Год великого перелома»²⁹. Здесь же мы видим далеко не советское общество, а пёструю смесь обычного провинциального города на юге России, близ персидской границы, где жили бок о бок туземцы, колонизаторы и маркитанты, христиане разных конфессий, иудеи, мусульмане – как шииты, так и сунниты, а также многочисленные адепты веры бахаи. Это был маленький разноязыкий Вавилон, типологически похожий и на города Кавказа, и на старые

²⁸ Павленко П. А. Собрание сочинений в 6 т. Т. 5. Очерки 1930-1950. М.: Гослитизат, 1955. С. 8-9. Тихонов Н. С. Собрание сочинений в 7 т. Т. 2. Пути Востока. М.: Художественная литература, 1985. С. 70-71.

²⁹ Название статьи И. В. Сталина, опубликованной в газете «Правда» 7 ноября 1929 г., в которой он провозгласил окончательный отказ от НЭПа и курс на насильственную коллективизацию.

туркестанские мегаполисы – Бухару, Самарканд, Фергану, Коканд, Ташкент. Вот этот недолгий период, когда старый мир еще не совсем испарился, и зафиксирован в очерках Ахундова и Овезбердыева.

Некоторые их пассажи теперь воспринимаются как некий анахронизм, но они также отражают свою эпоху и поэтому авторский текст сохранен здесь таким, какой он есть, без купюр. Мир, который они описывают, показан через преломляющую реальность доктринерскую призму, но ведь оба автора были органической частью советского проекта справедливого глобального руководства, основанного на знаниях. Убежденные атеисты, они были искренними в своей вере, как и многие их современники, чья жизнь прошла в СССР. Ностальгию эта книга уже ни у кого не вызовет, потому что вспоминать его больше некому: ушли все сверстники авторов, те, кто жил в том городе, знал его обитателей, помнил его дома и улицы. Теперь это просто редкий исторический документ и таким пребудет всегда, куда сохранится хотя бы один его печатный экземпляр или электронный файл.

* * *

В качестве иллюстраций в книге использованы подобранные нами фотографии в основном 1920-х годов из личных коллекций, некоторые из которых публикуются впервые. Другие давно находятся в свободном доступе в Интернете. Кроме того, воспроизводятся почтовые открытки, в том числе изданные до революции. Они здесь вполне уместны, поскольку в двадцатые годы еще мало что изменилось в облике Ашхабада. Эти пожелтевшие от старости снимки так или иначе передают, прежде всего, атмосферу, ауру, а уж потом – какие-то подробности натуры и детали сюжета. «Что такое, собственно говоря, аура? – размышлял в 1931 г. немецкий философ Вальтер Беньямин в эссе “Краткая история фотографии”. – Странное сплетение места и времени: уникальное ощущение дали, как бы близок при этом рассматриваемый предмет ни был»³⁰.

Визуальные свидетельства Ашхабада тех лет – не меньшая редкость, чем мемуарные записки, хранящиеся в частных и государственных архивах, а также опубликованные тексты. Это несмотря на то, что к тому времени фотографическая практика в Европе и России стала если не массовой, то уже достаточно широко распространенной. Но и в этом отношении Ашхабад не был избалован вниманием

³⁰ Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. Избранные эссе. Пер. с нем. М.: Медиум, 1996. С. 81.

фотографов. Однако, новые обстоятельства способствуют тому, что словно из небытия всплывают многие ранее неизвестные материалы – в основном из частных коллекций.

По словам профессионального историка фотографии Центральной Азии Светланы Горшениной, с начала 2010-х гг. обозначился массовый интерес к снимкам царского Туркестана и советских республик Центральной Азии, который она считает результатом ряда взаимосвязанных факторов, как технологических, так и социально-политических. По её мнению, этот «фотографический бум» подпитывается, с одной стороны, ностальгией по молодости и утраченной стране бывших жителей этих республик, эмигрировавших после распада Советского Союза. С другой стороны – ощущением безвозвратности потерь, которое испытывают ныне живущие в регионе люди перед лицом некорректной политики властей в отношении охраны и реставрации памятников архитектуры и урбанистического контекста центральноазиатских городов. Переписывание истории и манипуляции коллективной памятью в процессе выработки новых национальных идеологий в независимых государствах региона также подталкивают многих к поиску «корней» на визуальном уровне, в попытках как подтверждения новых концепций, так и их опровержения. И это также подогревает интерес к дореволюционным и советским фотографиям региона. Наконец, широкое распространение высоких технологий, позволяющих любому делать при помощи смартфонов высококачественные снимки и немедленно «загружать» их в Интернет, открыло выставочные, музейные и даже частично архивные пространства (в том числе и семейные архивы) для широкой аудитории интернет-пользователей. Доступность старых фотографий многократно возросла благодаря появлению цифровых архивов фотоколлекций музеев и библиотек, а также объединенных национальных каталогов, которые дополнили «бумажные» издания, публиковавшиеся с 1990-х гг.³¹

Аутентичность документальной фотографии бесспорна, но не меньше доверия вызывает и живопись, графика, также запечатлевшие разные образы города. В данном случае особую ценность имеют работы одного из представителей авангардной живописи Рувима Мазеля, который жил в Асхабаде/Полторацке с 1915 по 1923 г. и со-

³¹ Детальный обзор истории исследования фотографии Центральной Азии, а также обзор существующих интернет-ресурсов и социальных сетей по этой тематике см. в книге: *Svetlana Gorshenina, Sergei Abashin, Bruno de Cordier and Tatiana Saburova* (eds). *Photographing Central Asia. From the Periphery of the Russian Empire to Global Presence*. Berlin: De Gruyter, 2022.

здал целую серию графических работ, объединенных в альбом «Узоры персидского города», а потом, уже живя в Москве, написавший свою самую большую картину «Старый Ашхабад»³². Среди других художников двадцатых-тридцатых годов, в чьем творчестве нашли отражение ашхабадские сюжеты, были Сергей Бегляров, Николай Костенко, Михаил Либаков, Николай Щапов³³ – образцы их станковой графики также воспроизводятся в этой книге.

В 1940 г. в ведущей канадской газете на идише «Der Keneder Adler», издававшейся в Монреале, были опубликованы воспоминания Брайны Беркович (1894-1956), супруги русско-канадского художника Александра Берковича (1891-1951), который в 1923-1924 гг. жил в Полторацке и преподавал рисование в Полторацком педагогическом техникуме³⁴. Один эпизод этих воспоминаний служит хорошим дополнением к очеркам Ахундова и Овезбердыева, поэтому в качестве приложения к их книге публикуется его русский перевод. А для того, чтобы читатель, знающий современный Ашхабад, лучше ориентировался в его исторической топонимии, приводится перечень прежних и нынешних названий улиц в пределах старой части города.

Все постраничные сноски сделаны мной с целью разъяснения некоторых малоизвестных слов, понятий, событий и явлений. Это не критическое научное издание, поэтому я не стал комментировать те утверждения авторов, которые представляются мне спорными. Несколько человек способствовали тому, чтобы эти очерки вышли в свет. Прежде всего, это Ильдар Равильевич Музафаров, который обнаружил саму рукопись, инициировал её издание, внес ряд важных уточнений по атрибуции фотоматериала и топографии города, а также Алланазар Оразович Сопиев, предоставивший для публикации редкие фотографии из своего архива. Особая признательность доктору исторических наук Надежде Анатольевне Дубовой за ее поддержку в публикации этой книги.

Руслан МУРАДОВ

³² Анчинская Н. Рувим Мазель. Очерк жизни и творчества. М.: Государственный музей Востока, 2004. С. 10-57.

³³ Трухачева Л. А. Туркменская графика на пути к зрелости. Ашхабад: Ылым, 1987. С. 45-46.

³⁴ Шихмурадов О. О. Создание и развитие средних профессиональных учебных заведений в Туркменистане (1920-1933 гг.). Ашхабад: Туркменистан, 1967. С. 130.

Н. Щапов. Ашхабадская улица. 1928 г. Из архива А. О. Сопиева

Н. Костенко. «Ашхабад под снегом».
Рис. из журнала «Туркменоведение», 1929, № 7-8. С. 60.

ОТ АВТОРОВ

Там, где на юге кончаются бескрайние Каракумы и начинаются предгорья Копетдага, прижавшись между этими двумя грозными творениями природы, стоит большой современный город. Это наш Ашхабад, столица Туркменской республики.

О происхождении названия города существуют разные версии: Ашхабад означает не то «город любви», не то «город влюбленных», не то «город, построенный с любовью». Но во всех этих версиях есть слово «любовь». И не зря, видимо, ашхабадцы любят свой трижды рожденный город. Говорят, что без особых на то причин ашхабадец не покидает надолго свой город. А если и покинет, то снова возвращается. Мы верим в это. Могут спросить: почему же трижды рожденный? Очень просто. В 1881 году город был заложен. 1917 год – второе рождение города, когда он начал новую страницу своей истории вместе со всей страной Советов. И 1948 год, когда город был полностью разрушен страшным землетрясением. Тогда многие говорили, что города здесь больше не будет. Но город возродился. Он поднялся из руин подобно птице Феникс, воскресшей из пепла. В прошлом после такой страшной катастрофы оставшиеся в живых люди навсегда покидали это место, и лишь через тысячелетия туда возвращались археологи. Но не таковы советские люди. Ашхабадцы не покинули родной город в беде. И вырос новый город краше прежнего. Глинобитные дувалы, саманные крыши ушли в прошлое вместе с вывезенными на свалку обломками старого города.

Бывают города, которые делятся на «новый» и «старый». В Ашхабаде такого деления нет и не было. Теперь в Ашхабаде вы увидите многоэтажные красивые здания из бетона и стекла, современные кинотеатры с конденсированным воздухом, скверы с фонтанами, напоминающими Петергоф. По зеленым улицам города курсируют тысячи машин различных марок, комфортабельные автобусы и троллейбусы. В ашхабадском аэропорту садятся и взлетают во все концы страны современные воздушные лайнеры. Много в нашем городе заводов и фабрик. Ашхабад стал подлинным центром науки и культуры республики: здесь и Академия наук с многочисленными научно-исследовательскими институтами, и вузы, и театры. В городе более сорока общеобразовательных средних школ, десятки средних специальных учебных заведений. Ашхабад современен не только по своему облику, но и по духу. Это современный интернациональный

город. Как в капле воды отражается солнце, так и в облике нашего города, в характере его жителей в какой-то степени отражаются лучшие черты всех советских городов. Любой приезжий в наш город советский человек не почувствует себя здесь чужим, он увидит в Ашхабаде и ашхабадцах что-то знакомое, родное. Например, ленинградец, приехав в наш город, найдет здесь широкие, прямые проспекты наподобие Невского, душанбинец увидит утопающие в зелени улицы, сады и парки и т.д. Любой человек, приехав в Ашхабад, обязательно найдет здесь представителя своей нации. У нас живут туркмены, русские, украинцы, армяне, грузины, азербайджанцы, дагестанцы, узбеки, казахи, евреи, мордва, корейцы. У нас живут представители почти всех наций СССР.

Но Ашхабад имеет и свое неповторимое лицо, что делает его близким, родным домом для всех горожан. Это чувство трудно передать словами. Ашхабадцы нас поймут и без слов. Но при всей любви к своему городу, не все ашхабадцы знают, каким он был лет 40-45 тому назад, в период, когда Ашхабад, расправляя свои плечи, выбирался из мрака прошлого к светлой жизни. Вот об этом периоде жизни нашего города нам и хочется рассказать. Конечно, наши очерки далеко не полностью охватывают все стороны городской жизни тех далеких лет. Мы не стремились приукрашивать действительность. Мы ничего не выдумывали, не меняли даже имена действующих лиц. Все написанное основано на наблюдениях и фактах.

В АШХАБАДЕ

Яркое южное солнце стоит над головой. Небо не голубое, каким оно бывает в южных приморских городах, а тусклое, желто-серое от нависшей пыли. Издали может показаться, что жизнь в городе замерла, остановилась от нестерпимого зноя. Но так кажется на первый взгляд. Нет. Жизнь в городе не остановилась, она не может остановиться. Ведь каждому человеку нужно заботиться о хлебе насущном. Недаром туркмены говорят: «Лежащему быку корма нет». Пройдитесь по улицам города, по базарам, присмотритесь кругом, и вы увидите множество людей в легких одеждах, спешащих по делам службы, в чайные. Да мало ли дел вообще у жителей любого города! Вот на противоположной стороне чайханы Гарагёза Махаррама и Мешади Теймура, расположенной на углу Таманской и Ставропольской улиц, навьючивая на осла свои покупки, оживленно разговаривают дайхане. Неподалеку, тут же на Таманской у ворот своего кара-

ван-сарая стоит Чихарбеков. Перебирая четки, которые он держит за спиной, владелец караван-сарая обдумывает очередную сделку.

На углу торгового ряда дремлют, завалившись на сиденья своих фаэтонов, извозчики. Конечно, дремлют также и извозчицы лошади. Обычно в полдень из-за отсутствия клиентов они вынуждены дремать и собирать свои силёнки для вечерней городской суеты. На Вшивом базаре в тени прямо на земле спят нищие и курды. Последние знают, что если они понадобятся кому-нибудь на работу, то их обязательно разбудят солидным пинком. На привокзальной площади в ожидании поезда молодой красногвардеец, прижав к себе как невесту трехлинейную винтовку, наворачивает угольного цвета ржаной хлеб и запивает его водой из солдатского котелка. Из минаретов мечетей, разбросанных в разных частях города слышатся унылые голоса муэдзинов; слышен звон колоколов из церквей.

А в торговых рядах? Вот стоит, высунувшись из лавки, уса́тый армянин, и во все горло расхваливает колбасу собственного изготовления. Его сосед из другой лавки старается перекричать его по-русски, но с акцентом: *«Есть хароший перашки, с мясом, рисом, яйцам, прадаю красавицам!»*. Лавочник из другого ряда приглашает купить у него огурцы: *«Гель, гёк хыяра!»* («Подходите, зелёные огурцы!»). Чтобы его приглашение было понятно всему разноязычному племени горожан, он продолжает на интернациональный русский: *«Падхади народ, свой огород, палавина сахар, палавина мед!»*. Другой лавочник расхваливает свой товар: *«Бай-бай, какая халва!»*. Еще дальше приглашают вас купить гранаты и если пройдете мимо, в след понесутся плоды лавочного творчества: *«Нарыми иймедин-гитдин, дердини диймедин-гитдин...»* («Ушел, не покушав моих гранатов, ушел, не высказав своих дум...»). И если у вас в кармане есть хоть немного денег, то вернетесь и купите у него пару сочных плодов. Вы увидите оборванных мальчишек с ведром или кувшином в одной руке и жестяной кружкой в другой, снующих по пыльным рядам лавок, или просто разложенных на земле товаров, предлагающих утолить жажду холодной, утренней водой из арыка. Среди этих «деловых» людей вы встретите немало дервишей, выпрашивающих во имя всевышнего милостыню, и просто нищих, без маскировки. Вон на отшибе сидит на солнцепеке курд в лохмотьях и сняв с плеч то, что осталось от рубахи, выискивает насекомых. Так что жизнь в городе течет и не замирает до глубокой южной ночи.

Наступившая вечерняя прохлада снова оживляет жизнь города. Изморенные дневной жарой горожане, каждый по-своему стараются использовать эту прохладу. Одни выходят во двор под открытое

небо и наслаждаются чашкой чая; другие спешат в увеселительные заведения – городской сад, кинотеатр «Модерн», казино. А третьи... Впрочем, о них речь пойдет дальше.

Вот что пишет один из журналистов, описывая жизнь вечернего Ашхабада: «Плотным, густым, глубоким, синим бархатом обложен город. Заботливая ночь все укутала синей глубиной. Точно молочная мельчайшая пыль-аркой перекинут млечный путь. Россыпью светящихся и мигающих песчинок сверкает и попыхивает небо. На улицах полутьма. Деревья в черных чадрах и выглядят огромными сплошь залитыми темнотой массами. Изредка прорвется где-нибудь огонек и рассыплется или скромно мигает, прорезая тьму. В садах гремит бравурная музыка и двигаются сплошными потоками люди (Полторацк «дышит» ночью, днем «задыхается»). Легкие парные фаэтоны, наряженные парами факелов, поджидают, вытянувшись стаями, перед входами садов. Где-то стрекочет сверчок. Голосом выворачивающегося нутра где-то ревет ишак. Журчат арыки...».

Однако не все люди использовали вечернюю прохладу и темноту ночи таким образом. Некоторые любители легкой наживы с наступлением темноты, подобно ночным хищникам, выходили на свой нечистый «промысел». Появлялись на темных улицах города и любители всяких «любовных приключений». Немало было и таких, которые как призраки пробирались по темным переулкам и спешили в тайные опиумо-курильни, чтобы оставить там свои последние гроши и предаться на время блаженному дурману, забыв дневные хлопоты.

Из кого же состояло население города? Если иметь в виду национальный состав, то это в основном – русские, армяне, азербайджанцы, курды, персы (фарсы). Покинувшие когда-то по тем или иным причинам родные края, они нашли здесь свою вторую родину. В городе жили также немногочисленные представители других наций: евреи, узбеки, татары. Туркмен в городе было очень мало. За исключением отдельных семей, туркмены проживали в пригородных аулах (Кёши, Ашхабад, Карадамак, Геокча). Даже в 1926 году туркмены составляли всего 2,2% населения города.

В большинстве случаев население города продолжало жить обособленно друг от друга по национальному признаку, потому что так происходило заселение города еще в дореволюционный период. Русские жили в одной части города, армяне в другой, азербайджанцы в третьей и т.д. И такое расселение еще долго сохранялось. Остатки его можно увидеть и в наши дни несмотря на то, что после землетрясения город был выстроен заново. Так, русские населяли в

основном юго-восточную и северо-восточную части города: по улице Аненковской (ныне проспект Ленина) в районе железнодорожной станции, по Офицерской улице (ныне Карла Маркса) и по некоторым другим. Такое заселение города русскими связано с историей Ашхабада.

Строительство города началось в двух разорванных друг от друга районах: первый – в районе крепости, второй – в районе вокзала. Еще в прошлом веке в период зарождения города район вокзала заселялся семьями железнодорожных рабочих и служащих, а район крепости – семьями военнослужащих старой царской армии. На развалинах этой крепости ныне расположен ресторан «Горка», что позади гостиницы «Туркменистан»¹. Дома в этих частях города строились капитальные, преимущественно из жженого кирпича. Эти дома были особо прочными, с крепкими решетками на окнах и контрфорсами (антисейсмическими опорами) на углах. В таких домах за толстыми стенами даже в самые жаркие месяцы сохранялось некоторое подобие внутрикомнатной прохлады. Около каждого дома был разбит сад. В большинстве своем эти дома были казенными, принадлежащими различным государственным ведомствам.

Армяне заселяли северную часть города по улице Куропаткинской (ныне проспект Свободы) в сторону железнодорожной линии. Дома в этом районе также строились добротные, так как хозяева были преимущественно состоятельными торговцами и ремесленниками (виноделы, бондари, продавцы колбасных изделий, парикмахеры, владельцы транспортных средств – тогда это были фаэтоны и арбы).

Азербайджанское население делилось на две категории: кавказские (граждане СССР) и иранские (поданные Ирана). Кавказские азербайджанцы в свою очередь также подразделялись на две подгруппы. Первая подгруппа – карабахские и шушинские азербайджанцы. Они заселяли южную часть города, от Таманской улицы (ныне Первомайская). Вторая подгруппа – шемахинцы – жили по улицам Белинского, Калинина (прежде Боголюбовская), Багирской и МОПРа. Улица Белинского называлась в то время Соборной, так как на месте нынешнего республиканского стадиона находился православный Воскресенский собор².

¹ Теперь этот квартал занимает здание Кабинета Министров Туркменистана, построенное в 2014 году.

² Ныне территория стадиона «Копетдаг».

Среди кавказских азербайджанцев было много кустарей: портных, шапочников. Многие работали на бойне, были продавцами мяса. Иранские азербайджанцы заселяли западную часть города, начиная от Мариинской (ныне ул. Возрождения). Они также были кустарями и торговцами: держали фруктовые лавки (духаны), чайные, пекарни, чувячные лавки.

Особняком, в аристократических частях города жили бехаисты (выходцы из Ирана), приверженцы бехаистской секты ислама³. Дома их были лучшими в городе, а сами они являлись крупными коммерсантами по купле и продаже драгоценностей и туркменских ковров. Выделялся среди них миллионер Мирза-Кучук, фактически предводитель ашхабадской бехаистской аристократии. Позже, в середине тридцатых годов в связи с урегулированием советско-иранских пограничных и других межгосударственных отношений бехаисты и часть ирано-поданных азербайджанцев были высланы в Иран.

Незначительное еврейское население города занималось торговлей и скорняжным ремеслом. Самым бедным слоем ашхабадского населения были курды, населявшие районы расположения караван-сарая и бань и находившие там работу в качестве прислуги. Здоровые мужчины-курды были специалистами по рытью колодцев и кяризов, смазки глиняных крыш, дувалов.

Нужно сказать несколько и о цыганах. Цыгане не являлись жителями Ашхабада, ни в одном городском справочнике вы не найдете о них никаких упоминаний. Тем не менее, цыган нередко можно было встретить в городе: в торговых рядах, добывающих себе продукты питания различными средствами; на базаре и на толкучке, гадающих и ворующих; в караван-сараях, заглядывающих в зубы лошадям и испытывающих крепость их привязи. Время от времени цыгане наезжали в Ашхабад большими таборами в длинных крытых фургонах, раскидывали свои многочисленные шатры на холмах над Ашхабадом и спускались промышлять в город. Ночью холмы, на которых раскинулись цыганские шатры, напоминали военный лагерь времен Чингисхана. Затем цыгане также неожиданно исчезали, как и появлялись, оставляя после себя следы костров и обрывки уздечек чужих лошадей.

Особняком друг от друга, также по национальному признаку, располагались и кладбища горожан: русское кладбище, армянское,

³ Вера бахаи – это независимая от ислама монотеистическая конфессия, позднейшая из Богооткровенных религий, возникшая в середине XIX в. в Иране. В Ашхабаде в начале XX в. был построен первый в мире храм бахаи.

еврейское и мусульманское. Все эти кладбища, конечно, располагались рядом, но были отгорожены друг от друга глинобитными дувалами. Как говорится, «на этом свете жили обособлено, на том свете тоже...».

Времена были беспокойные. Ашхабад, хотя и был расположен на далекой окраине Великой державы, стал одним из центров политических событий юга. Ощущалась острая борьба классов, трудности становления нового общественного строя. Революция и сюда пришла не в праздничном наряде, а в виде запыленного воина, хирурга.

Революция в Закаспии протекала бурно. В 1918 году власть в Ашхабаде захватили эсеровско-белогвардейские заговорщики. К ним на помощь поспешили английские колониальные войска. Закаспийский фронт был ликвидирован лишь в 1920 году, когда последние отряды английских войск были сброшены в Каспийское море в районе Красноводска. Но и после окончаний открытых военных действий молодой Советской власти в лице немногочисленного пролетариата и аульной бедноты приходилось преодолевать отчаянные сопротивления классовых врагов. Еще в разных концах Туркестана был слышен топот басмаческих коней, гремели выстрелы. Только в 1924 году за летнюю компанию боевых действий красновардейцами и воинами-добровольцами было уничтожено более 2300 басмачей, в том числе 180 курбашей. Классовый враг не пренебрегал никакими средствами борьбы в своей отчаянной попытке вернуть утерянную власть. Для расправы с партийными и советскими активистами враг подсылал наемных убийц; устраивал диверсии на предприятиях и железных дорогах; всячески стремился сорвать экономические и политические мероприятия Советской власти, чтобы подорвать веру в идеи социализма. Вопрос стоял, как говорил В.И. Ленин, «кто кого».

В условиях Ашхабада вопрос усугублялся еще тем, что город был как бы фокусом, в котором скрещивались все противоречия. Ашхабад был городом резких классовых контрастов. С одной стороны - коммерсанты, купцы, духовенство, с другой городская беднота: амбалы, поденщики, безработные, мелкие ремесленники.

Ашхабад, как сказано выше, город многонациональный. Люди различались не только по национальности, но и по вере, что служило благоприятной почвой для разжигания классовым врагам религиозной и межнациональной вражды. А теплый климат Ашхабада и его близкое расположение к границе издавна привлекали к себе всяких преступных элементов: контрабандистов, шпионов, спекулянтов, воров, жуликов, беспризорных детей, которые как перелетные

птицы приезжали зимовать в Ашхабад из центральных холодных районов России.

Для успешной борьбы со всем этим преступным и враждебным миром не было еще четко работавших, налаженных воспитательных и карательных аппаратов, чтобы перепахать тысячелетние пласты затхлого быта. Все приходилось создавать и налаживать в ходе ожесточенной борьбы. Одной из главных трудностей для Ашхабада было отсутствие организованного, политически-закаленного пролетариата. Классовой опорой Советской власти оставалась лишь почти безграмотная аульная беднота. В борьбе с преступными элементами главная тяжесть ложится на милицию. Но тогда милиция по-настоящему только создавалась. Туда набиралась в основном молодежь аульной и городской бедноты. Следовательно, приходилось обучать милиционеров не только военному делу, но и политической грамоте, нормам советского права. В Ашхабаде в это время работали курсы по ликвидации азбучной безграмотности милиционеров. Вчерашних дайханских ребят учили ходить в строю, отдавать честь, составлять протокол. Учили политграмоте. Учили по-разному подходить к трудовому человеку и купцу-кровососу или нэпману. Иногда приходилось проводить чистку и в самой милиции от всяких чуждых и примазавшихся элементов. Так, в результате чистки в 1925 году состав милиции был обновлен на 30-40%. После проведенной чистки состав ее выглядел следующим образом: 28 % рабочих, 72 % дайхан. Из них 24% состояли членами и кандидатами в члены партии. Из столицы страны местным властям, конечно, оказывалась всевозможная помощь. Но она была сравнительно незначительной, так как и у Центра было достаточно своих забот. Но даже небольшая помощь являлась весомой моральной поддержкой. В газетах можно было прочесть такое: «Уголовный розыск получил поддержку из Москвы, в Полторацк прибыли две служебно-розыскные собаки вместе с дрессировщиками, окончившими курсы дрессировщиков при Центральном питомнике розыскных собак РСФСР». Это было событием, о котором еще долго шли разговоры не только в самой милиции, но и в городе, особенно среди приступных элементов – грабителей, карманщиков, воров-домушников, которых тогда было более, чем достаточно в Ашхабаде. Расследование каждого преступления (кража, разбой, подлог, изнасилование) в отдельности не давало должного эффекта, не уменьшало количества преступлений и преступников. Поэтому органы милиции прибегали к крайним, отчаянным мерам: время от времени (примерно раз в месяц) проводились облавы в местах скопления народа – в городском саду, в районе

железнодорожной станции, на базарах. При каждой облаве задерживали до 40-50 подозрительных элементов, потом их сортировали. Явных рецидивистов с уликами или разыскиваемых преступников предавали суду, беспризорных подростков и детей пытались устроить в жизни, многих просто высылали из города. Во время таких облав иногда попадались и крупные «рыбёшки». Например, однажды во время облавы в сети милиции попался разыскиваемый за уголовное преступление бывший полковник царской армии Мордвинов. Другой раз милицией был задержан рецидивист Гостев, который в течение ряда лет снабжал терьяком (опиумом) клиентов Москвы, Сызрани, Самары и других городов. При задержании у него было конфисковано 25 фунтов терьяка (10,2 кг). Какие же дела рассматривались в органах Советского суда? Чтобы иметь об этом определенное представление приведем некоторые данные на этот счет по Ашхабаду, взятые за 1924-1925 годы.

... Аферистка Екатерина Старцева предстала перед судом за вымогательство. Выдавая себя за делегатку женотдела и обещая устроить на «теплое местечко» или достать какой-нибудь дефицитный товар, она занимала у знакомых и незнакомых деньги и исчезала.

... Гражданка N приговорена к девяти месяцам лишения свободы и принудительному лечению за проституцию и преднамеренное заражение мужчин сифилисом.

... Перед судом братья Семизовы из аула Ашхабад. Начиная с 1917 года они занимались открытым разбоем, убийством, насилием, умыканием девушек, аламанством (крали девочек из Ирана, потом продавали).

... В Верховном суде слушается громкое дело Гаманова, Ленского, Иванова, обвиняемых в разгроме камеры нарсуда и нарследователя, уничтожение 49 дел и похищении вещей, в том числе вещественных доказательств.

... Два мясника привлекаются к ответственности за изнасилование. Они затащили 15-летнюю беспризорную девочку в мясную лавку и зверски надругались над ней.

... Слушается дело подрядчика по уборке нечистот станции Полторацк Гасанова, который безжалостно эксплуатировал нанимаемых подденных рабочих, присваивал их труд. Суд приговаривает взыскать в пользу чернорабочих Мамеда Мирзамамедова, Мамеда Гусейнмамедова, Малек Дада Киши, Сеид-Аббаса Мамедова, Аби Мамедова, Исмаила Гусейнова и Мирзы Ахмедова 1188 рублей.

... Перед судом кулак Конарев из поселка Яблоновского Ашхабадского района. Батрак Семенов в течение десяти лет гнул спину на этого кровососа и не получил ничего, когда хотел уйти от кулака. Суд взыскал в пользу батрака 833 рубля.

Суду приходилось разбирать и более трудные дела.

... К восьми годам заключения и пяти годам лишения прав был приговорен бывший эсер Трунов. В корыстных целях он сумел пробраться в компартию и стал заведующим оргинструкторским отделом краевой конторы Центросоюза в Ташкенте. Приехав в Ашхабад в командировку и используя свое служебное положение, он взял из Ашхабадской конторы Центросоюза 10000 рублей и хотел скрыться, но был разоблачен и задержан заведующим этой конторы товарищем Бухаренко.

... В ноябре 1925 года Верховный суд ТССР приступил к слушанию дела Ф.М. Родюкова, по доносу которого в 1918 году был арестован эсеро-меньшевистскими заговорщиками и расстрелян вместе с другими двадцатью четырьмя железнодорожными рабочими видный революционный деятель Александр Фролов.

Кроме открытых уголовных или политических преступлений, с которыми все же легче было бороться, ибо власти знали, как надо бороться, как наказывать, бичом Ашхабада были мелкие преступления и укоренившаяся гниль старого быта – пьянство, азартные игры, опиумокурение.

Как и во все времена, большинство уголовных преступлений совершались людьми в пьяном состоянии. Азартные игры в казино принимали чудовищные размеры, в них просаживались огромные суммы. Нередки были случаи, когда в рулетку или в карты рабочими и служащими проигрывались полученное жалованье целиком. Семья оставалась без средств к существованию. Частенько эти азартные игры заканчивались поножовщиной. Эти игры в казино решались официально, но сами казино находились в руках дельцов и жуликов, поэтому никакого контроля за мошенниками не было. Куда же смотрела милиция? Бывали случаи, когда стоящий на посту возле казино милиционер не выдерживал соблазна, сам включался в игру, а потом ввязывался в драку.

По улицам Ашхабада сновали маклеры и аферисты, которые пускались во всевозможные ухищрения и махинации, чтобы надуать своих клиентов. Например, много разговоров ходило среди

горожан о случае с Тевосом Насибянцем – совладельцем конторы «Росперсфрукт». Однажды, когда он выходил с большой суммой денег из Госбанка, увидел двух человек, один из которых предлагал другому серебряные изделия. Насибянц не мог пройти мимо и подошел к ним. Те предложили Насибянцу купить 5 крупных камней бриллиантов. Чтобы проверить качество бриллиантов, все трое отправились в ювелирный магазин Мамедова, но там какие-то незнакомцы преградили вход и объявили, что в магазине идет ревизия. Насибянц не хотел упустить момента. Купил эти бриллианты на свой риск и заплатил одну тысячу рублей. ...Бриллианты оказались фальшивыми.

Самым страшным и трудно искоренимым бичом Ашхабада, да и не только этого города, было унаследованное от старого социального строя опиумокурение и употребление других наркотических веществ. Правительство Туркменистана вынуждено было в апреле 1925 года издать специальное постановление о мерах борьбы с опиумокурением, где говорилось: «Целый ряд данных с достаточной непреложностью говорит о сильнейшем развитии среди населения, как коренного, так и европейского, курения опиума, терьяка, анаши, а равно и употребления других наркотических веществ – кокаина, морфия и др.» Аулы, города, особенно приграничные, охвачены наркотическим дурманом, под его влиянием растут преступления, гибнет дехканское хозяйство, расстраивается народное здоровье».

Местные газеты и журналы, особенно «Токмак» и «Хамбал», посвящали этой проблеме немало горьких страниц. Имея ввиду, что основным поставщиком терьяка являлся Иран, журнал «Токмак» со смехом сквозь слезы писал: «В честь образования Туркменской республики и для приобщения туркменского народа к культуре соседний Иран отправил к нам 24 миллиона *люле*⁴ терьяку и соответствующее количество опытных инструкторов». Никто точно не смог бы назвать общего количества притонов, где курили терьяк. Их было слишком много – явных и тайных. Терьякханы устраивались в караван-сараях, чайных, на задних дворах бань и в самых неожиданных местах – в обычных дворах, в заброшенных карьерах кирпичного завода, а иногда и специально вырытых логовищах, где-нибудь на окраине города. Среди терьякешей были представители всех слоев населения: служащие, рабочие, амбалы, муллы, лавочники, безработные и нищие. Этой болезни были «все возрасты покорны».

⁴ Люле – трубка (старотуркм.).

Приучали к терьячному дурману даже грудных детей. Такие дети безутешным плачем требовали окуривания их дымом терьяка. Как только совершалась эта процедура, ребенок безмятежно засыпал.

Наряду с официальным запретом торговли терьяком и содержания притонов, власти принимали меры к лечению терьякешей. Так, при нервно-психиатрическом диспансере в Михайловском переулке было открыто специальное отделение для лечения терьякешей. Население охотно лечилось. Приезжали лечиться из других городов республики – Мары, Байрам-Али, Чарджоу. В диспансере не хватало мест. Принятие лишней дозы терьяка было небезопасно для жизни. На этот случай у терьякешей был выработан свой метод оказания «первой помощи». Глотнувшего лишнее сажали на табуретку, подвешанную на веревках в виде качели и устраивали ему «карусель», предварительно вылив ему в глотку целое *тунче*⁵ воды, закручивали это нехитрое сооружение до отказа в одну сторону, а затем отпускали раскручиваться. Процесс закручивания и раскручивания продолжался еще некоторое время по инерции. Затем все повторялось снова и снова. Такой метод промывания желудка и «мозга» якобы спасал терьякеша от преждевременного вознесения на небеса.

Одной из причин сохранения всей этой унаследованной социальной гнили была неустроенность в жизни многих людей. У биржи труда еще толпились безработные, еще мало было культурно-просветительных учреждений и зрелищных заведений. Гастроли какого-нибудь артиста или фокусника были большим событием. В торговых рядах и на центральных улицах развешивались красочные кричащие афиши: «Последние выступления гипнотизера Н.А.Орнольдо»; «Единственное выступление московского артиста Платона Строгонова – исполнителя романсов и арий из опер «Лоэнгринн», «Жидовка», «Паяцы» и др.»; «Выступает примадонна Ленинградской Мариинской оперы Вера Михайловна Афрамеева с исполнением восточных романсов». Афиши громко извещали о приезде известной московской исполнительницы романсов и арий Ринны Терьянц, бакинской певицы Лейлы-Ханум и других. Демонстрируемые в единичных кинозалах зарубежные фильмы – такие как «Тарзан», «Сын Тарзана», «Багдадский вор» отнюдь не способствовали укреплению нравов.

Говоря о борьбе нового со старым в те годы, нельзя не сказать

⁵ *Тунче* (кумган) – узкогорлый кувшин для воды, обычно металлический, с носиком, ручкой и крышкой, применявшийся в основном для умывания и мытья рук, а также кипячения чая.

об огромной роли в этом деле газет и журналов. Несмотря на молодость и сравнительную малочисленность, они как испытанные бойцы вторгались в гущу событий, безжалостно бичевали и разоблачали все старое, враждебное новому строю. Газеты «Шуралар Туркменистаны», «Туркменская искра», журналы «Токмак», «Хамбал», «Захмет» завоевали всеобщую любовь трудового народа и жгучую ненависть со стороны духовенства, купцов, рецидивистов. В мечетях и церквях по их адресу из уст священников сыпались проклятия, там придавали их анафеме. По духу и стилю эта печать была близка к рабочим и дайханам, ко всей бедноте. Сегодняшнему читателю некоторые страницы этих газет могут показаться даже наивными, т.к. иногда в них печатались действительно незначительные, вызывающие теперь улыбку события из жизни населения: «В июле по Полторацку зарегистрировано: 92 родившихся, 84 умерших, 32 брака, 5 разводов»; «У гражданки Петинной, проживающей по ул.Всеобуча, дом 90, похищен со двора самовар»; «У гр. Раудина Константина похищен оставленный им без присмотра велосипед»; «У гр. Саркисянц, проживающего по ул.Ставропольской, дом 29, похищена из кухни разная посуда»; «На станции Полторацк у гр. Гельдыева Бабаораз похищены два новых халата» и т.д. Газеты тех лет своим корреспондентам не посылали пространных ответов-писем, а отвечали им на своих же страницах своеобразно, лаконично, интересно: *«Подгорнову. Отзыв не пойдет. Мелочь. Требуйте через Союз. Ждем от Вас деловых корреспонденций.»*; *«Звездочке. Стихи слабые. Кроме того, следует научиться грамоте»*; *«Иванову. Не пойдет. Разрешение на азартные игры дается инвалидам»* и так далее.

БАЗАРЫ

Ашхабад славился как крупный торговый город. Даже на его дореволюционном гербе под царской короной изображался торговый караван и товарный железнодорожный поезд. Этим *фактором и объясняется в основном* такая пестрота национального состава города. Если одни люди прибывали сюда в поисках куска хлеба, то другие – с целью наживы. Центрами торговли были базарные площади с ведущими к ним торговыми улицами.

Нынешний колхозный рынок №1 с прилегающими к нему кварталами назывался Русским базаром. Это название живет среди населения и в наши дни, несмотря на наличие официального названия. Наш народ не привычен называть улицы, площади и другие объекты

по нумерации. На Русском базаре под навесами продавались овощи, фрукты, всякая зелень. Здесь же армяне продавали колбасные изделия. Позднее по инициативе рыночного комитета были построены плановые каменные будки, которые располагались по улице Энгельса (бывшая Левашовская), между улицами Карла Либкнехта (бывшая Кирпичная) и Житникова (бывшая Торговая).

Рядом с Русским базаром находился так называемый Вшивый базар (персидский квартал № 5), расположенный по Хивинской улице между Ставропольской и Карла Либкнехта. На этом базаре коротали свой длинный день бездомные курды, нищие, дервиши и другие люмпен-пролетарии. Здесь на углу Хивинской и Ставропольской помещалась самая грязная в Ашхабаде чайхана, которая была знаменита как притон курильщиков опиума. Опиум курили и глотали шариками, пили разведенным в крепком зеленом чае и предавались пьяному дурману, забывая на время «бренную землю». Посетителей этого заведения трудно было назвать людьми: это были ходячие тени, у которых дневного заработка едва хватало на терьяк. Здоровые, нормальные люди далеко обходили это место. На этом «базаре» часто можно было наблюдать такую картину: нищие, сидя прямо на улице, снимали с себя лохмотья «одежды» и ковырялись в них часами, уничтожая насекомых (вшей). Видимо отсюда и берет свое название «вшивый базар».

А рядом по Хивинской располагались построенные еще до революции кирпичные лавки, в центре которых находился так называемый монетный двор. Не смейтесь: наверху арочного портала этого «сооружения» действительно красовалась надпись «Монетный двор». Здесь производился обмен валюты и размен денег⁶.

Колхозный рынок №2 прежде (как и теперь среди ашхабадцев) назывался *Теке базары* (Текинский базар, Теке мейданы, Текинка). Первоначально он представлял собой пустую площадь, покрытую десяти-пятнадцатисантиметровым слоем пыли и навоза. Здесь туркмены-дайхане из аулов продавали овощи, саман (измельченную солому), а туркмены-чарва (скотоводы, живущие в песках) продавали саксаул в верблужьих вьюках. Со временем базар начал обрастать разными постройками. В центре площади был сооружен *гапан* (весовая), состоящий из четырех кирпичных опор, крытых жестяным навесом. Под этой крышей находился сам гапан (весы) для взвешивания крупных партий муки, пшеницы, ячменя, покупаемых оп-

⁶ Поразительно, что и спустя целое столетие этот участок снова служит для тех же целей, что невольно наводит на мысль о некой «генетической памяти» места.

том. В период НЭПа на Текинском базаре появились многочисленные игорные палатки-казино. Многие наивные «искатели счастья» оставляли здесь свои последние копейки в пользу предприимчивых нэпманов. Здесь же вертелась карусель, на которой любили кататься дети и приезжий народ. Можно было понаблюдать за *дарбазчы* – самодеятельным цирком лезгин, которые ходили по канату, делали головокружительные сальто, ходили на руках с кинжалами в зубах. Вся эта акробатика сопровождалась монотонной музыкой дагестанского трио.

По всем улицам, прилегающим к базару, размещались промтоварные и продовольственные магазины, гостинные дворы, всевозможные лавки и лавочки, в которых продавались овощи и фрукты, кондитерские изделия кустарного изготовления (разноцветные леденцы монпасье, мятные конфеты, набат и др.). Здесь можно было купить табак, махорку, штучные папиросы «Дели», «Ташкент», «Азия», «Кальян», «Шуры-муры», «Цыганка Аза» и другие. В этих лавках продавались галантерейные изделия, туркменские халаты (*гырмызы дон, хыва донь*). Хлебные лавки, вернее лавки-пекарни, также размещались здесь (различные хлеба – чуреки, лаваш, сангак выпекались тут же при лавках). Среди этого нагромождения лавок и лавчонок находили себе место чувячные и чарычные (обувные), цирюльни и чайханы, лавки-аптеки и многие другие торговые точки. Ряд кузнечных мастерских, лудильных и паяльных, цехов жестянщиков, расположенных по Хивинской, соединяли в единую цепь Русский, Вшивый и Текинский базары, образовав, таким образом, «деловой» центр города.

«Общественное питание» этого района было поставлено на должной высоте. Почти против каждой лавки под навесами рядками располагались продавцы зелени, холодной воды, халвы. Тут же в больших котлах дымился *хива половы* (хивинский плов), который порциями продавался прохожим и приезжим, проголодавшимся лавочникам. Сытный обед всегда можно было запить крепким зеленым чаем.

Своеобразным был способ расчета между чайханщиками и их постоянными клиентами-лавочниками. Чайханщик раздавал лавочникам палочки определенной длины. Для получения чая лавочник или его подручный приносили с собой эту палочку. Чайханщик перочинным ножиком делал на ней надрезы соответственно количеству отпускаемых чайников чая. Расчет производился по заполнению палочки надрезами. Затем старая палочка уничтожалась, взамен выдавалась новая.

Можно было полакомиться и мороженым, которое изготавливали в домашних условиях. Продавцы мороженого ходили по торговым рядам, толкая впереди себя тележку-ящик, в котором находились два жестяных бака, наполненных мороженым и кусками льда по бокам. Запомнилось одно рекламное стихотворение, выведенное масляной краской почти по-русски, на боку одной из мороженных тележек: *«Сливочник шакапаладни морожни // сам бы ел да деньги надо // мама говорит не надо // Маруся говорит нада // ха ха ха»*. Мороженщики и изготовители других сладостей ревностно оберегали от народа тайны своего «кулинарного» искусства. Знай люди, из какого сырья изготавливались эти сладости, резко бы сократилось число покупателей. Рыночные инспекторы постоянно воевали с машинаторами. Обнаружив, например, что мороженное изготовлено из сахара, инспектор опрокидывал тележку, чтобы впредь неподобно было обманывать людей.

Короче говоря, в этих торговых рядах за деньги, как говорят, можно было купить все, кроме «птичьего молока». Но если бы кому-нибудь захотелось испробовать птичьего молока, наверное, нашелся бы продавец и этого деликатеса.

В сплошном гуле, висящим над базарами, можно было слышать рев верблюдов, ослов и мулов, ржание коней, скрипы несмазанных колес арбы и фаэтонов, выкрики лавочников, зазывающих покупателей, и шум базарной толпы, напоминающий гул встревоженного пчелиного роя.

На всех этих базарах были установлены свои неписанные законы, традиции, обычаи. Например, стоило появиться в торговых рядах какой-либо чисто одетой интеллигентной чете, как лавочники начинали задевать ее: посылали вслед нелестные эпитеты, заглядывали в глаза женщине, награждая ее сальными комплиментами, «приносили себя в жертву» ради ее белых ручек, розовых щек или же дикими выкриками и улюлюканием старались вывести чужаков из себя. Люди, знакомые с «Нравами Растеряевой улицы»⁷, не обращали внимания на эти дикие выходки скучающих от безделья торговашей. Всякая попытка пристыдить, отчитать балагуров заканчивалась плачевно для прохожих.

Ради справедливости надо сказать, что не всегда лавочники безмятежно торжествовали свою победу. Была еще и другая сила,

⁷ Имеется ввиду опубликованный в 1866 г. цикл рассказов Глеба Успенского «Нравы Растеряевой улицы» о жизни бедноты тульских рабочих кварталов и моральном разложении, к которому её приводит среда.

которую как огня боялись как лавочники, так и их покупатели. Это базарные бродяжки, которые гуськом, по-волчьи бродили от лавки к лавке. Эти голодные оборванные, немытые месяцами дети и подростки по-звериному косились на все съедобное. Видя их приближение, торговцы сами настораживались и едва заметным шелестом губ предупреждали своих покупательниц: «Гражданка или мадам! Берегитесь, идут...». Громко не скажешь такие слова. За ночь эта братва разнесет, растащит лавку, окна будут зиять и ветер будет гулять по лавке. Лохматая орава окружит намеченную заранее жертву. Мальчишка с соплями под носом, поддерживая одной рукой спадающие штаны, подойдет с наивным взглядом: «Тётенька-а-а, копе-е-ечку!» - и вдруг неожиданно ударит головой в живот этой самой «мадам», молниеносно вырвет сумочку и даст стрекача. Лавочнику оставалось держаться трусливого нейтралитета, если сам не хотел оказаться жертвой чумазой оравы.

На этих базарах были известны Леон Сааков – владелец вино-гастрономического магазина, коммерсанты Аветис Богдасаров и Ахмед Алиев; лавочники Гасан-ганаты, Гусейн-гули; чайханщики Гарачи-ага, Берды-ага, Алигулы, Абдул Гусейн и другие. Среди многочисленных парикмахеров города наиболее популярными были Азиз-даи, Аслан Ами, Курбан Аббасов. Азиз-даи отличался тем, что содержал свое заведение в идеальной чистоте, сам был опрятным, начитанным, был вежлив и тактичен с клиентами. Поэтому к нему шла городская интеллигенция и уважающая себя публика. Без работы он не стоял. Аслан Ами совмещал профессию парикмахера с зубообразованием. Невольно здесь вспоминается чеховская «Хирургия». Аслан Ами врачевал зубы следующим образом. Заходил к нему человек с больным зубом, излагал суть болезни, показывал больной зуб, Аслан Ами выслушивал больного, смотрел, какой именно зуб болит. Затем брал в руки обыкновенные плоскогубцы, зацеплял ими больной зуб и сильным рывком выдергивал его. На место удаленного зуба сыпал горсточку поваренной соли и получив от едва живого клиента мзду, отпускал его со словами: «Да, хранит тебя Аллах!». Можно представить, каких мук стоило подобное врачевание для больного. Кроме того, клиент еще счастливо отделывался, если Аслан Ами правильно выбрал больной зуб. Нередко же его врачевание заканчивалось более трагично для больного.

Кроме парикмахеров, имеющих свои будочки, были и другие, просто уличные цирюльники, весь набор инструментов которых состоял из тупой самодельной бритвы и огрызка оселка. Такой цирюльник сажал своего клиента на корточки прямо на улице, при-

жав его голову между колен, плевал на руки и, растерев рукой голову, начинал царапать бритвой по голове. А несчастный клиент сидит, сжав зубы и глотая слезы.

Забавно было пройти грамотному человеку по этим торговым рядам, любуясь разношерстными причудливыми вывесками на лавках и магазинах. Они были написаны на разных языках, разными алфавитами, чаще всего безграмотно и нередко на одной и той же вывеске перемешивались языки туркменский, русский, арабский, азербайджанский. Вот подходим к лавке керосинщика Григорьянца. На вывеске вместо «Григорьянцын небит сатылян дуканы», выведено арабским шрифтом никому малопонятное «*Каргули красиным адым гыргырян*». Подойдем к другой лавке, а там вместо «Центральный рабочий кооператив» читаем выведенное опять-таки арабской вязью: «*Тсентралнаку рабоча коюпратиф*». Эти вывески в большинстве своем изготавливались по заказам в художественных мастерских, где работали одни армяне.

В чайханах, изнывая от безделья, восседали *гъчи* (уличные «ге-рои-разбойники») с полуметровыми кинжалами на поясе, пили чай, играли нарды и составляли планы очередного похождения: кого и когда убить, кого опозорить, ударив публично в лицо, чей дом ограбить, чью семью обесчестить. Эти бандиты доставляли немало хлопот милиции, терроризуя население. Старые ашхабадцы, наверное, помнят имена таких отпетых негодяев как Теймур Мохаммедов, Джалал Джафаргули-оглы, Гули, Керим-ага Алиев, Сахатов, армянин Себо, от рук которых погиб не один кормилец семьи. Кстати, гочи Джалал и гочи Себо сами пали в уличной драке от рук себе подобных разбойников. «Собакам – собачья смерть» - говорили тогда среди горожан. Да и другие не миновали такой же участи. Безобразия и преступления этих гочи частенько проходили безнаказанно, так как за ними стояли влиятельные люди или богатые родители. Помнится, отец гочи Джалала Джафаргули поучал своего непутевого сына на базаре перед лавочниками: «Если придешь домой битым, я тоже добавлю. Нужно всегда бить. А если угодишь в тюрьму, пожертвую одну выпечку кирпича и выручу тебя из беды». (Он имел свой кирпичный завод «Курé»).

Характеристика ашхабадских базаров не будет полной, если не сказать еще о дервишах (паломниках). Текинский базар был их любимым местом, так как там можно было встретить больше всего мусульман. Дервиши, хотя и официально не причислялись к категории нищих, вели паразитический образ жизни. Всякими «честными» и нечестными средствами они вымогали деньги и продукты у

прохожих и лавочников. Известными дервишами Текинского базара были Мамед-Садык и Гаджи-ага. У первого отсутствовали кисти обеих рук. Видимо Мамед-Садык обратился к религии после того, как исчерпал возможности своей воровской профессии в Иране. Не было сомнения в том, что кисти его рук были отрублены за воровство по существующим там законам, после чего он эмигрировал на территорию Советского Союза и нашел в Ашхабаде «политическое» убежище. Но и здесь Мамед-Садык продолжал заниматься мошенничеством. Частенько он собирал вокруг себя на улице зевак и показывал им «чудо». Он ставил на землю металлическую посуду наподобие кувшина с тонким горлышком, наполненную водой и переворачивая её вверх дном, обращался к посуде с просьбой показать, как плакал пророк Али при виде павшего жертвой в бою имама Хусейна. При переворачивании из многочисленных отверстий этой посуды вытекали струйки воды, как бы говоря: «Вот так плакал пророк Али при виде павшего имама Хусейна!» И тут начинался главный номер «представления». Раздавался плач, стоны и рев. Стоявшие рядом люди, увидев такое «чудо», со словами *«Йа Аллах ва Мохаммад!»* падали ниц и начинали реветь в религиозном экстазе, внушая себе, как тяжело было умирать имаму Хусейну, а пророку Али видеть это. Вся эта комедия сопровождалась сбором средств. Бедные верующие даже не догадывались, что мошенник-дервиш имел своих подручных-наемных плакальщиков, которые начинали плач и заражали других.

Однажды после такого представления один из наблюдателей выступил вперед и попросил дервиша повторить свое «чудо», не отходя с места. Нужно было видеть гнев дервиша, который обрушился на «безбожника» и назиданиями и угрозами, что его наглое и неуместное богохульство может стоить ему жизни, чтобы он скорее убрался отсюда и усердными молитвами искупил свой тяжкий грех перед Аллахом.

В районах расположения базаров и караван-сараев были и другие зрелища – бараны, петушинные бои, которые перешли по наследству молодому советскому строю от времен баев и ханов. Много болельщиков собирали верблюжьи скачки, которые обычно проводились по улице Энгельса. Местом старта был угол улицы Горького (где ныне расположен сад Старцева⁸), а финиш был на углу Энгельса и Белинского.

⁸ Сад Старцева – ныне территория сквера на треугольном участке, где сходятся современные улицы Азади (бывш. Энгельса) и Гёроглы (бывш. Первомайская).

За всей этой базарной суетой и шумом скрывалась другая, менее заметная сторона жизни обитателей этих торговых рядов. С окончанием дневных хлопот и наступлением вечера, придя домой с выручкой и сытно покусав, лавочник или коммерсант садится, подсчитав барыши, стуча костяшками счетов при свете керосиновой лампы. Так он будет сидеть до глубокой ночи, потому что нужно подсчитать не только дневную выручку, но и перебрать в памяти кто и сколько ему должен, какие новые выгодные сделки предстоят, кого при этом можно надуть. Эти торгаши не только продавали товар за наличные деньги, но и отпускали в долг, при этом небескорыстно: брали обратно всегда больше, чем отдавали.

Об одном ашхабадском лавочнике-скряге люди поговаривали, будто у него имеются два сорта гирь, одни для отпуска товаров в долг (полегче), а другой для приемки товаров обратно от должника (потяжелее). Когда он отпускал товар, окриком приказывал сыну: «Поддай гири!». На вопрос сына: «Какие?», лавочник возмущенно отвечал: «*Эссапрылла* (боже мой!), что не знаешь какие гири?». Возгласом «эссапрылла» он давал понять сыну, что нужно подавать легкие гири. При приемке товаров от должника все повторялось почти также. Только при возмущении лавочника слово «эссапрылла» заменялась словом «тоба!» (боже сохрани!). Это означало, что нужно подавать тяжелые. Обуянные жаждой наживы, торгаши привыкли оценивать все живое и неживое на звонкую монету. Такие наверняка готовы были продать родную мать, если бы нашелся покупатель. Ведь продал же лавочник Махарам Аббасов свою 14-летнюю родную сестру 45-летнему вдовцу за 25 золотников золота, 50 туманов денег, 3 пуда сахара, 4 пуда ржи, одного барана, 3 фунта чая №95.

Дельцы и коммерсанты всячески уклонялись от уплаты налогов государству. Иной раз, когда финансовые агенты приходили описывать товар за недоимки, полки лавок и магазинов оказывались пустыми. Прибегали к угрозам по адресу работников финорганов. Вот доплата открытка, полученная налоговым агентом Климовичем от коммерсантов: «*Улица Фрунзе, здание быв. казначейства. Налоговый отдел, гр. Климовичу. Гр. Климович! Не забудьте, что Николай II тоже был на троне, его свергли в один час, а Вы будете низвергнуты в один минут, как Распутин*». Все эти крупные и мелкие торговцы не довольствовались обманом клиентов и государства. Они выжимали последние соки из десятков и сотен зависимых от них наемных рабочих, вынужденных идти к ним в кабалу из-за неустойчивости жизни в первые годы советской власти.

В трудных, почти адских условиях жили рабочие частных пекарен. Переворочав за ночь тонны теста, эти бездомные труженики еле добирались до своего угла недалеко от корыт и засыпали мертвецким сном на метках из-под муки. Местные власти, правда, время от времени интересовались условиями труда этих рабочих, старались оградить их труд от хищнической эксплуатации. Но во многих случаях наемные работники частных заведений избегали жалоб на хозяина из боязни потерять место. Особенно жесток был со своими работниками владелец пекарни на Торговой улице Шахбазидзи. Он им внушал: «Для воров и жуликов будьте живыми, а для тех, кто по службе шатается, вы – немые мертвецы». Не удивительно, что когда торговый инспектор приходил интересоваться условиями жизни и труда рабочих этой пекарни, то получал на свои вопросы всегда один ответ: «*Ни мигуданим!*» (Не понимаем, не знаем!)

ТОЛКУЧКА

Ранее на самой площади Текинского базара, а позже на прилегающих к базару улицах (Возрождения, Хивинской, Степной, Союзной) бойко функционировала городская толкучка, на которой продавали почти все, что можно продать: ношенную и неношеную одежду, обувь, шапки, ковры, кувшины, чайники, гвозди, винтики, связки всевозможных ключей, детские игрушки и др. В трудную минуту беднота приносила сюда свои последнюю рубашу, последний скарб, чтобы обменять их на кусок хлеба или горсточку муки. Нужда заставляла порою продать нужную себе вещь за гроши. Разумеется, толкучка была удобным полем действия для всевозможных жуликов, спекулянтов, шулеров, карманщиков. А у них наметанный глаз и острый нюх. Заметив, что человек пришел на базар впервые продать по нужде какую-либо вещь, спекулянты тут же окружали его и чуть ли не силой вырвали у новичка его «товар». А потом тут же, иногда прямо на глазах у бывшего владельца, продавали эту вещь втридорога.

Толкучка была удобным местом для сбыта краденного, поэтому потерпевшие от воров в первую очередь обычно приходили сюда разыскивать свою вещь. Нередко можно было услышать крик и плач неопытного посетителя. Народ сразу догадывался: кому-то «обчистили» карманы и этот кормилец не принесет сегодня детям хлеба. Безжалостно орудовали шулеры (*пачка-басанлар*). Придет, допустим, трудовой человек купить недорогую рубашку. Его тут же окрутят шу-

леры: разворачивают перед ним сверток, вытаскивают оттуда хорошую рубашку, называя при этом половину ее стоимости. Обрадованный покупатель, считая, что вот нарвался на неопытного продавца, трясущимися руками скорее лезет в карман и отсчитывает деньги. Но жулик, как фокусник, успел уже за это время подменить сверток другим точно таким же. Приходя домой, «удачливый» покупатель разворачивает перед членами семьи свою обновку, чтобы похвастаться и... обнаруживает в свертке грязное тряпье. А жулик тем временем успел уже надуть еще нескольких таких же доверчивых покупателей и ушел обмывать со своими дружками успешную операцию, держа подмышкой все ту же, многократно «проданную» рубашку.

У этих базарных шулеров были свои законы, выработанные условиями их наглого ремесла: надуть чужака, надуть любыми средствами, и не обижать своего. Чужаками считались все те люди, которые были более или менее прилично одеты и явились на толкучку по нужде. Их можно было обворовывать, обманывать «на трех картах», на костяшках, им можно было всучить негодный товар. Свои – это типы с воспаленными от бессонных буйных ночей глазами, с синей улыбкой потресканных губ, словом – жиганы, говорящие на всех языках – русском, туркменском, персидском, армянском... Между собой они разговаривали на воровском жаргоне и обращались друг к другу не иначе, как по кличке: Барсук, Рыжий, Косой, Пахан и т.д. О появлении поблизости работника уголовного розыска они предупреждали свою «брашку» условным сигналом *алты* (шесть).

На толкучке работал аукцион по распродаже домашней утвари. Предприниматель поднимается на стул, держа в руке предназначенную для продажи вещь, и сам называет первоначальную цену. Затем, стуча молоточком по подносу начинал считать: «Раз, два!...». До счета «три» кто-нибудь из толпы называл новую, более высокую цену, которую он может дать. Громко назвав новую цену, предприниматель снова начинал считать под удары молоточка. Если до счета «три» никто не называл новую цену, вещь считалась проданной тому, кто назвал последнюю цену.

Орудовали на толкучке и цыганки, от которых не было отбоя. То и дело слышалось: *«Красивый человек, подходи погадаю», «Позолоти, милый, мои руки, тебя в казенном доме ждет большое счастье!», «Красавица-барышня, позолоти руку, я открою тебе твою судьбу!»*.

Находилось немало наивных людей, особенно женщин, которые, сидя перед цыганкой на корточках, выслушивали ее предсказания: *«Девушка, ты умная, пригожая, красивая, но есть у тебя на сердце горюшко черное. Сама ты добрая, сердце у тебя мягкое и ду-*

маешь, что и все такие. Есть у тебя на сердце зазноба, и любит он тебя, не наглядится, не нарадуется. Но есть промеж вас враг злой. И ждет тебя опасность большая, но ты от нее избавишься» и т.д. Многие же отвечали: *«Иди, цыганка, себе погадай!»*.

Шарманки зазывали зрителей на кукольные представления. В народе эти представления называли «петрушкой». Нужно отдать справедливость хозяевам этих представлений, репертуар их соответствовал духу времени. Например, действующими лицами являются барин и кухарка. Между ними происходит острая борьба, которая заканчивается победой кухарки. Зрители в восторге. Другим героем этих кукольных представлений был небезызвестный в те времена Чемберлен в монокле, цилиндре, с тростью, который не сходил со «сцены». Чемберлена все хорошо знали, ибо еще свежи были в памяти ашхабадцев дни английской оккупации и как эти «чемберлены» удирали восвояси из Туркмении под ударами Красной гвардии, побросав на ходу свои головные уборы - пробковые шлемы. А головной убор, как известно, считается у народов Востока честью мужчины, и ронять, терять его было большим позором. Много насмешек и анекдотов породили у нашего народа английские пробковые шлемы – символ колониализма.

Неизменными спутниками этих петрушек и шарманок были свои «мустафа». Это беспризорные мальчишки, у которых на лице выделялись лишь блестящие глаза и зубы, сидели где-нибудь на сторонке и, играя на костях, как на ложках, выводили заунывную песенку: *«Позабыт, позаброшен, // С молодых, юных лет // Я остался сиротою, // Счастья доли мне нет...»*. Между тем эти «мустафа», несмотря на кажущуюся беспечность, постоянно озирались исподтишка: как бы не схватил его милиционер и не потащил в приют для беспризорных.

Когда речь заходит о базарах, толкучке, об их обитателях, то невольно приходит на память один курьезный случай, связанный с именем уважаемого гражданина нашего города, нашего учителя Ходжамурада Байлиева⁹. Этот приятный и скромный человек в одно время жил на Хивинской улице недалеко от Текинского базара. Калитка его квартиры выходила на улицу в сторону толкучки.

Однажды у Ходжа Мурадовича, как все его называли, собрались ученики, чтобы посидеть с учителем, поговорить с ним о делах, о

⁹ Х.М. Байлиев (1905-1946) – один из основоположников современного туркменского языкознания. Подробно о нем см.: Курбанов А. А., Кузьмин О. Д. Очерки по истории развития педагогической мысли в Туркменистане (1886-1941 гг.). Ашхабад: Туркменистан, 1972. С.158-186.

жизни, об учебе. Когда в интересной беседе наступила пауза, Байлиев своим гостям: «А сейчас, ребята, мы пробуем. Возможно, некоторые уже проголодались. А разговор наш продолжим во время еды». Сказав это, он вышел на улицу, где на очаге должна была вариться чорба. Вернувшись с улицы, он о чем-то озабоченно шептался с женой. Потом снова вышел на улицу и долго не возвращался. Наконец, вернувшись к гостям, со свойственной ему доброй улыбкой, он тихо произнес: «Много я, ребята, повидал на своем веку. Но такого, чтобы горячий казан с чорбой утащить?!... Такое вижу в первый раз».

АМБАЛЫ¹⁰

Нельзя себе представить ашхабадские базары и вокзал без их неотъемлемого атрибута – амбалов, как нельзя себе представить морской порт без докеров, Китай – без кули и рикши. Амбалов теперь у нас нет, но они еще живут в соседних зарубежных странах Востока. На каждом ашхабадском базаре в определенном месте всегда толпились амбалы со своими неизменными *паланами* на спине. Палан – это тряпочный круг, набитый соломой, прикрепляемый на спине веревками или ремнями через плечо вроде рюкзака и служащий подставкой для груза носильщику.

На текинском базаре местом скопления амбалов в те годы был угол улицы Энгельса. Хотя их работа считалась наименее ценимой, а сами амбалы были низшим сословием городского населения, но и среди них было неравенство. Среди амбалов были свои *гочи*, материальные интересы которого другие амбалы не могли затрагивать. Так, этот «аристократ» от амбалов имел право первым подносить груз известных торговцев, охранять и защищать этих торговцев от возможных воров, жуликов и других неприятностей, являясь как бы телохранителем. Естественно, такой амбал больше получал «чаевых», чем рядовой амбал. Вообще-то говоря, среди амбалов господствовало право сильного, которое нередко претворялось в жизнь действительно силой. Страшную картину представляет драка амбалов, которые возникали при защите ими своих материальных интересов. При этом дерущиеся наносили мощные удары друг другу своими тяжелыми паланами.

¹⁰ Амбал – от араб. *ḥammāl* (грузчик, носильщик) – силач, человек плотного телосложения. Изначально так называли грузчиков-персов в портах Нижней Волги и Каспия.

Иногда в драку включались десятки амбалов. Но в любом случае эти драки были скоротечными, заканчивались быстро. После каждого нанесенного тяжелым паланом удара «боец» тут же выходил из строя и оставался лежать на земле. Сотни зевак окружали место драки и наслаждались бесплатно боем местных «гладиаторов». Зрители не оставались безучастными, они орали, шумели, подливали масла в огонь, стараясь обострить или продлить это дикое зрелище. Нередко такие бои заканчивались поножовщиной и какая-то семья оставалась без кормильца.

Амбалы обслуживали не только базары, но и вокзалы: загружали и отгружали вагоны, помогали пассажирам. Амбалов на вокзале можно было встретить в любое время суток, даже в такие ранние часы, когда город еще спит и извозчики не выехали на работу. Приехавший в такие часы пассажир поневоле вынужден бывал обращаться к помощи амбала. Он договаривался с ним за определенную сумму донести свой багаж до дома или гостиницы. В таких случаях амбал был себе на уме. Он без долгих торгов легко соглашался на ваше предложение и, взвалив багаж на спину, шагал в город. Но, пройдя несколько кварталов, он начинал вздыхать и жаловаться: «Далековато до вашего дома... Зачем я взял такую тяжелую ношу?... Эх, не те годы теперь, когда любой груз мог нести сколько угодно долго, старые кости ноют...» и т.д. А потом и совсем остановится, положив на землю ваш багаж. И вы вынуждены будете заплатить ему еще подъемные или же останетесь стоять посреди безлюдной улицы, дожидаясь начала работы извозчиков.

Бывали случаи, когда в вокзальной суматохе по прибытию поезда, вновь прибывший пассажир (не ашхабадец) мог лишиться своего багажа, доверившись амбалу. С жителями Ашхабада, как правило, такого не происходило, ибо и амбал и пассажир знали друг друга в лицо или же пассажир знал повадки своих земляков. Тяжелые условия жизни толкали некоторых амбалов на этот нечестный путь. Иные из них умудрялись даже «модернизировать» свой палан. Модернизация эта заключалась в том, что в палане делался тайник-ниша. Работая, например, на складе, такой хамбал мог вынести в тайнике незаметно небольшие предметы: чайники, пиалы, мыло, чай.

«Кто есть амбал?» – под таким заголовком в первом номере газеты «Хамбал» в 1925 году была помещена редакционная статья. Вот отрывок из нее: *«Амбал – это человек с растоптанными правами, угнетенный, обездоленный бродяга, растерявший цену своему труду и вынужденный плестись за тем, кто даст лишний кусок. Достаточно ли сказано для характеристики природы амбала? Нет! Еще*

раз нет! Это беки и ханы, духовенство и ростовщики, собиравшие крохи с их стола, сделали амбала амбалом и прозвали орудием переноски тяжестей. Кто хочет по-настоящему понять кто такие амбалы, тот должен побывать в Иране и глубоко вникнуть в жизнь городской и деревенской бедноты. Амбал – это бедняк, не вынесший ханского гнета, отдавший все свое имущество в налог, убежденный в невозможности дальнейшего существования на Родине, покинувший семью и ушедший в соседнюю страну в поисках куска хлеба... В общем амбал – это иранский пролетарий с мозолистыми руками, плечами и спиной, и надеющийся только на свои собственные руки»¹¹.

Амбалы, как видно из этого отрывка, это в основном выходцы из Ирана, которых злая судьба заставила покинуть родные места и искать кусок хлеба на чужбине. Приведем рассказ о своей жизни одного ашхабадского амбала. Его судьба похожа на судьбу десятков других амбалов.

«Хорошо помню то время, когда я перешел из Ирана на эту сторону. Я был 16-летним юношей. Покойный отец повел меня к дальнему родственнику Кербалану Курбан-али и поручил ему, чтобы он взял меня на русскую землю и присматривал за мной. Еще я помню, как по прибытии в Баку рано утром, натянули мне на плечи полупудовый палан и тот же Курбан-али повел меня на Ленкоранскую пристань и мы с ним включились в работу. На пристани было кроме нас еще много амбалов, среди которых были и наши земляки. Наша работа заключалась в следующем: вставали каждый рано утром, выгружали товары с прибывших пароходов и переносили в амбары. А затем загружали пароходы товаром, находящимся на пристани... Ночевали прямо на досках пристани. Когда было много груза, нас заставляли работать при свете лампы. Но дело не в этом. Прошли месяцы, годы. Мне стукнуло 22. К этому времени кости мои под тяжестью палана окрепли что надо! Но однажды, во время погрузки парохода, упавший сверху четырехпудовый кусок металла разбил мне левое плечо, и я на три месяца выбыл из строя. Ежедневно с рассветом я слонялся у порога знахарей и костоправов. Наконец, один армянин-костоправ (да поможет ему Аллах стать на путь истинный) кое-как выправил мои кости и со временем я взял падан снова на плечи. После этого Курбан-али дал мне наказ: если выздоровеешь, то ты должен ежегодно в месяц Махаррама 10 дней бить себя цепями и в день Ашуры рубить себе голову. С тех пор я аккуратно выполнял

¹¹ Газета «Хамбал» издавалась в Полторацке с 25 июля 1925 г. на азербайджанском языке. Впоследствии была переименована в «Захмет» («Труд»).

данный обет. Так прошло еще 3-4 года. Частенько я получал с родины неутешительные вести. Приезжие земляки рассказывали, что племя шахсевен взбунтовалось и начало грабить окрестные селения и истреблять их жителей... Уже более месяца я не получал никаких вестей. Позже я узнал, что жертвой конников шахсевена стала и наша деревня. Дом разграбили, отца и мать убили, а младшие сестры исчезли без следа. Как услышал эти вести, у меня опустились руки, и я не мог больше оставаться в Баку. Я взял свой палан, веревку и на пароходе «Новгород» пересек море. Оказался в Красноводске. В течение шести лет работал я здесь амбалом. Мое дело было тащить грузы на пароход, с парохода, на склад, со склада. При этом не забывал аккуратно исполнять обет, данный Курбан-али: бил себя цепями, рубил голову кинжалом, а собранные в течение года 5-10 рублей, жертвовал духовникам, дервишам за упокой родителей.

Однажды, наслушавшись трогательный рассказ муллы о паломниках Хорасана, я потерял покой. На утро из оставшихся у меня 7 рублей и 50 копеек на 5 рублей купил билет на поезд. На спине палан, на поясе веревка, с молитвами «Йа Имам Реза» – я вошел в красный вагон, очутился в Полторацке. В те времена этот город назывался Ашхабадом. В Ашхабаде у меня кончились деньги и я вынужден был снова думать о деньгах на дорогу, чтобы пробраться в Хорасан для паломничества. В это время пришли вести о начавшейся в России новой революции. Богатые купцы сворачивали здесь свои дела и разбегались кто куда. По этой причине стало туго амбалам, не было работы. Кое-как зарабатывали на хлеб. И сколько я не старался, не мог скопить денег на дорогу. Таким образом прошло еще два года. Я продолжал бить себя цепями, рубить голову, а жизнь амбала становилась все труднее. Крупные торговцы разбежались, лавки сворачивали свою работу. Тогда я перешел грузчиком на железную дорогу...

Прошли годы. Вспоминая свой нелегкий жизненный путь, я спрашиваю себя: зачем я бил себя цепями, зачем рубил голову? Люди плачут, услышав древние рассказы и небылицы о похождениях имамов, паломников, из уст фальшивых мулл, ишанов... А я плачу о судьбе обманутых духовенством братьев, о растоптанной чести сестер моих.

Как теперь? Теперь у меня новая Родина, есть семья, дети, внуки. Живем в достатке. Профессия амбала живет лишь в моих воспоминаниях. Но все же, когда я вспоминаю те горькие, безрадостные годы, комок подкатывает к горлу»¹².

¹² Перевод авторов из газеты «Хамбал».

КАРАВАН-САРАИ

Как и полагается в большом торговом городе, в Ашхабаде было много караван-сараев. Количество больших и малых караван-сараев доходило до сорока. Назовем лишь некоторые наиболее крупные из них. Только на улице Энгельса их было три. Один караван-сарай размещался на углу улиц Энгельса и Чехова. Теперь на этом месте стоит школа-интернат №1 (ныне школа №65 - **ред.**). Второй – между улицами Возрождения и Белинского по улице Энгельса. Третий – на углу Энгельса и Шаумяна. Он назывался Хивинским караван-сараем, так как хозяином его был хивинец-узбек и останавливались здесь преимущественно торговцы с севера, из Хивы. Большой караван-сарай размещался в так называемом персидском квартале №5. Он имел два порталных входа: один со стороны улицы Либкнехта, другой – со стороны Вшивого базара (Хивинской улицы). Этот караван-сарай среди ашхабадцев был известен как «Кочанлылар караван-сарай». Название это происходит от иранского города Кучан, что находится на пути караванов между Ашхабадом и Мешхедом. Караван-сарай этот был окружен лавками, чайными, которые славились национальным блюдом *хаш* (*келлебашаяк*). На втором этаже лавок и чайных размещались гостинные комнаты – мензили. В них обычно проживали хозяева караванов из Ирана, приезжие люди, не имевшие ночлеги в городе, шулера, контрабандисты, проститутки и другие сомнительные личности. Управляющий этого караван-сарая Ахмед Аббасов действовал по принципу «деньги не пахнут» и пускал в гостинные комнаты всех, кто платил. В общие комнаты Аббасов набивал до 25-ти постояльцев и сдирал с них большие деньги. Кроме того, Аббасов был известен в городе как крупный ростовщик, занимавший деньги за большие проценты.

Другой крупный караван-сарай размещался на Таманской (Первомайской) улице между улицами Некрасова и Крымской. Он был обнесен высоким глинобитным дувалом и по внешнему виду напоминал средневековую феодальную крепость. Там хозяйничал некий Чихарбеков. Имелся крупный караван-сарай и на Геоктепинской улице, которым управлял небезызвестный Гафаров. Эти караван-сараи содержались в страшной грязи и являлись рассадниками различных заразных болезней. Хозяева караван-сараев не заботились о благоустройстве своих заведений. Они беспокоились лишь о благополучии своих карманов.

Все торговые пути Ашхабада проходили через эти караван-сараи. Они поглощали огромные караваны, прибывавшие из Ирана

с тысячами мешков кишмиша, шерсти и других товаров. В этих же караван-сараях формировались караваны с грузом сахара, керосина, текстиля и других промышленных изделий, которые потом держали путь в Иран.

Караваны верблюдов составляли основной вид транспорта в торговых операциях между Ашхабадом и Ираном. Главной торговой артерией являлась Гауданская дорога, по которой удобно было идти лишь верблюдам. Эти караваны перевозили огромное количество товаров. Лишь в 1925 году они перевезли более 1.200.000 пудов груза. Между Ашхабадом и Мешхедом груз находился в пути до 20 дней. Перевозка одного пуда груза обходился в пять кран (1 руб. 25 коп.). В год эта сумма составляла 1,5 миллиона рублей.

Для ускорения движения грузов и расширения товарооборота советские торговые организации предпринимали попытку использовать автобусы. Однако по тому уровню техники и тогдашнему состоянию горных дорог, эта мера оказалась не выгодной. Во-первых, необходимо было сделать дороги пригодными для движения автотранспорта. Во-вторых, даже для перевозки выше указанного количества груза необходимо было создавать автопарк в 200 автомашин. Даже при наличии этих условий перевозка 1.200.000 пудов груза обходилась бы в 3,8 миллиона рублей, что на много дороже, чем перевозка груза караванами. Перевозка груза автомашинами, помимо всего, была бы сопряжена на пути следования восьмикратной погрузкой и выгрузкой из-за крутых подъемов. Таким образом, караваны верблюдов еще долго оставались незаменимым видом торгового транспорта.

Не смотря на государственный контроль на таможенных, с эти-ми караванами в Иран и обратно просачивалось много контрабандного товара и контрабандистов. Приведем лишь один пример. Перед Ашхабадским судом предстала шайка контрабандистов в составе десяти человек: Саркис Велунц, Исфгани Джафаров, Гусейнов, Ишанов, Рустамов, Георгадзе, Валиев, Аймамед Оразов, Назар Айдогдыев и Човдур Курбанов, которые были владельцами чаерассыпчных заведений и видными ашхабадскими чаеторговцами. О размерах их махинации можно судить по такой цифре: у одного Ишанова при обыске было обнаружено 84 пуда (5,2 кг) чая с фальшивой бандеролью (ярлык, прикрепляемый на товаре и являющийся знаком уплаты акцизного налога или пошлины).

Прибытие в город больших караванов с товарами, как правило, являлось большим праздником для купцов и лавочников. Для мальчишек это также было праздником. Они шумной ватагой встре-

чали и провожали эти караваны. Не были равнодушны к караванам и взрослые жители Ашхабада. Движение караванов представляло романтическую картину. Оно напоминало что-то далекое, средневековое, чуть-ли не картины улиц Багдада из сказки «Тысячи и одной ночи».

...Идет, раскачиваясь по пыльный улицы города, длинная вереница груженных тяжелыми тюками верблюдов, оглашая окрестности тысячами голосов своих колокольчиков. Гордо шагают ведущие инеры, украшенные самыми мощными колоколами, султанами на голове, ожерельями и амулетами на шее. А впереди всего каравана идет коротконогий плотно сбитый курд, опоясанный широким кушаком, развешанный кожаными сумками, с цепью в руке. День и ночь над улицей стоит серая пыль, не успевая оседать.

МЕЧЕТИ И ЦЕРКВИ

Не было в Ашхабаде недостатка и в молеельных заведениях различных толков: мусульманских, православных, католических, иудейских. Разговор начнем с мечетей. Одна из них, которая называлась Шемахи-мечеть, или Ширванлы-мечеть располагалась на углу улиц Энгельса и Калинина. Чуть подальше по Багирской улице между улицами Калинина и Некрасова находилась так называемая Персидская мечеть или Иранлы-мечеть. Еще дальше по той же Багирской улице между улицами Крымской и Ставропольской размещалась Тэхли-мечеть, принадлежащая иранским поданным.

На углу улиц Энгельса и Карла Либкнехта, где теперь стоит театр оперы и балета, располагалась Карабахлы-мечеть и принадлежала она карабахским и шушинским азербайджанцам. Эта мечеть в тридцатых годах была переоборудована под азербайджанский театр музыкальной комедии. На пересечении улиц МОПРа и Максима Горького находилась еще одна мечеть, построенная в более позднее время. Она называлась Тэзе-мечеть (Новая мечеть), хотя по внешнему виду она вовсе не напоминала мечеть. Это был обыкновенный большой дом азиатского типа с плоской глинобитной крышей. Напомним, что в свое время Тэзе-мечеть сгорела от оставленной слушателями горячей свечи. Потом долго еще шли споры между аллахом и госстрахом по вопросу: кому из них возместить убытки.

Там, где теперь разместились мастерские пассажирского автопарка (угол улиц Энгельса и Шаумяна) находилась Хивали-мечеть, т.е. Хивинская мечеть, в которой молились узбеки, хивинцы, реже

– местные туркмены. Покровителем этой мечети был крупный бай Оразмет-Хивали.

Самой красивой в Ашхабаде была мечеть бехаистов, построенная в 1907 году на проспекте Свободы. Мечеть эта была возведена лучшими мастерами и очень добротно. О качестве постройки можно судить по тому, что после землетрясения 1948 года главный купол мечети был одной из немногих построек города, оставшихся «на своих ногах». Тем не менее, здание стало аварийным и для безопасности этот купол был снесен в 1963 году¹³.

Мы до сих пор не сказали о туркменской мечети. Таковых просто не было в Ашхабаде. И не было их не только потому, что очень мало было туркмен-горожан. Каких-нибудь благоустроенных действующих туркменских мечетей вообще не было на территории Туркмении ни до, ни после Октябрьской революции. Видимо, среди народов, исповедующих мусульманскую религию, туркмены являются наименее подверженными религиозному дурману. Исторические условия жизни туркмен-кочевников мало способствовали тому, чтобы постоянно иметь под рукой мечеть. Больше приходилось надеяться на себя, чем на аллаха. Ведь недаром у туркмен говорят: «На бога надейся, но своего ишака привязывай крепче!»

Православная церковь также не обходила вниманием свою паству, живущую в далеком южном городе. В достатке было в Ашхабаде церквей, хотя численность населения составляла едва ли одну пятую от нынешней. Самой крупной из церквей была Соборная, или Воскресенская церковь. Она располагалась на территории нынешнего стадиона «Строитель» (ныне «Копетдаг» - **прим. ред.**) в огромном по тем временам сквере со множеством хорошо спланированных туевых аллей. Это была огромная пятиглавая церковь, построенная из качественного кирпича с мощными железными поясами и стропилами. Однако, после землетрясения 1 мая 1929 года позолоченный крест на шпилье центрального купола наклонился примерно на 30 градусов относительно вертикальной оси.

Другая церковь – Михайловская – стояла на площади Карла Маркса, бывшей Скобелевской, на том месте, где сейчас стоит здание Госплана ТССР. Примерно в 1925-1926 годах кресты с церкви были сняты. На месте большого креста комсомольцы вмонтировали огромный глобус. Третья церковь, существующая и ныне, была по-

¹³ Подробно об этом сооружении см.: *Мурадов Р. Г.* Храм бахаи в Ашхабаде и архитектурный ориентализм // Вопросы всеобщей истории архитектуры. Вып. 16. М.-СПб.: Нестор-история, 2021. С. 217-242.

строена на территории кладбища, ныне закрытого. И, наконец, еще одна церковь (Крестовая) стояла на углу улицы Гоголя и проспекта Свободы – теперь здесь стоит здание Института геологии Академии наук.

Была в Ашхабаде и армяно-григорианская церковь. Она находилась на том месте, где сейчас проложен переулок между новым зданием Госбанка и Центральным лекторием¹⁴. Каких только модельных учреждений не было в Ашхабаде! Были и немецкая кирха, и польский костел. Немецкая кирха находилась рядом со штабом бывшего Закаспийского военного округа (с южной стороны Ленинского сквера), польский костел – на улице Телия (между улицами Кирпичной и Житникова). Имелась и еврейская синагога, расположенная на Ставропольской улице (южнее нынешнего театра имени А. С. Пушкина)¹⁵.

Не свидетельствует ли такое изобилие различных модельных учреждений при не очень большом количестве населения города о повышенном внимании всевышнего к жителям Ашхабада? Для объяснения этого факта, на наш взгляд, нужно учесть следующие обстоятельства.

Во-первых, эти модельные места с благовоением ладана являлись испытанной трибуной для одурманивания обездоленных, чтобы они забывали свои заботы, окружающую действительность. Если одни предавались забвению в опиумокурильне, то другие предавались ему в модельных домах. Вспомним слова Карла Маркса: «Религия есть опиум народа». Царское правительство всячески поощряло создание модельных учреждений в завоеванных краях, пусть это будут христианские мусульманские, буддийские, пусть даже самого сатаны, лишь бы там не проводили большевистскую агитацию.

Во-вторых, молодая национальная буржуазия различных народов, населяющих город, стремилась прослыть «отцом нации», чтобы легче было грабить своих «братьев по крови и вере». Буржуазия, конечно, сама не раскошеливалась на строительство этих модельных учреждений, но выступала инициатором этих начинаний, организовывала сбор средств. В конечном счете, религиозные дома и их служители превращались в орудие буржуазии.

¹⁴ Ныне это участок автостоянки между зданиями Хякимлика города Ашхабада (бывшее здание Центробанка) и выставочным залом Союза художников Туркменистана.

¹⁵ На этом месте ныне находится фонтан между памятником Караджаоглану и зданием Туркментелекома.

В-третьих, вокруг этих молельных домов кормилась многочисленная свора паразитов и развратников – попов, дьяконов, мулл, ишанов, дервишей, ксендзов и раввинов.

И, в-четвертых, в этих многочисленных церквях и мечетях был заинтересован и международный империализм, т.к. они служили хорошими каналами для засылки всевозможных агентов, притонами, в которых легче всего организовывать заговоры, творить черные дела. Все эти дома и «богоугодные» заведения еще жили, дышали, творили и в первые годы Советской власти. Так, в годы НЭПа в Ашхабаде широко были известны имена так мулл как Сеид-Гусейн-ага, Мирза Рафи, Молла Рухулла, Молла Багир, Молла Фазил Дербентди, Мирхамид Карабаглы по прозвищу Гызыл Розахан, Молла Махмуд, Молла Мухаммед Али, Молла Нурулла, Мирза Мехти Гази и других. Как позже стало известно, самый «почтенный» из этих мулл Сеид-Гусейн-ага был крупным агентом английской разведки. Эти проходимцы в сутанах умели хорошо маскироваться и внешне они выглядели внушительно. Сеид-Гусейн-ага, например, носил длинный халат, зеленый кушак и зеленую чалму, так как считался потомком пророка Мухаммеда (за таковых выдавали себя все сеиды). «Святой» Мирза Рафи одевался по-европейски. Поверх модного европейского костюма одевал *абу* - балахон с полурукавами, и в мечетях выступал в золотом пенсне на носу. Всем было известно, что после пышной молитвы в мечети во имя аллаха, Мирза-Рафи предавался с друзьями пьяным оргиям, в которых неизменными спутниками были карты, водка и женщины. Он был нередким гостем казино. В народе знали также, что при выигрыше Мирза Рафи всегда кричал по-русски: «Довольно!». Но за его красноречие во время молитв в мечети Мирзе Рафи прощали его «невинные грешки». Что касается третьего «святого» Молла-Рухуллы, то он славился по женской части как искусный сердцеед. Он свято чтит догму Корана – имел несколько своих жен, но и не оставлял без «отеческого внимания» молодых вдов, а иногда и чужих жен. При переходе из одной мечети в другую Молла-Рухулла имел обычай передвигаться на осле. У него был свой огромный породистый белый осел, едва выдерживающий его 130 килограммовую тушу. Вспоминается такой случай, о котором потом любили рассказывать почитатели «ораторского искусства» Молла-Рухуллы. Ехал Молла-Рухулла по Багирской улице, подгонял своего осла уколами заостренной палки по хребту. Видимо, один из этих укулов был весьма жестоким, что обозленный осел сбросил на пыльную дорогу своего седока. Эту картину увидела группа женщин, прикрытых чадрой. Женщины, естественно, не могли удержаться от

смеха, хотя и упал «почтенный» человек, и хихикнули. Молла-ловелас и здесь не растерялся. Подымаясь с земли и отряхивая пыль с одежды, он обратился к ослу: «Ах, ты негодяй! Теперь я понимаю причину твоего озорства. Увидел прекрасных женщин и хотел избавиться от меня?».

Мошенник Молла-Рухулла мог выходить сухим из воды при самых трудных положениях и извлечь отовсюду выгоду. Вот один характерный случай: 10 марта 1925 года вечером в переполненной иранской мечети шло богослужение. Перед верующими выступал сам Молла Рухулла. Он молил Аллаха о воскрешении и возвращении на землю последнего имама. Все верующие мысленно были далеки от земных забот. Но на земле, там, где возле мечети стоял привязанный ишак Моллы-Рухуллы, дети занимались вовсе не богоугодными деяниями. Они разукрашивали лентами, цветами и другими бумажными безделушками белого ишака Моллы. Когда верующие высыпали на улицу после молитвы, то они в недоумении остановились перед разряженным ишаком. Видя своего разукрашенного ишака, Молла сначала растерялся. Но это длилось лишь мгновение. Он быстро сообразил, что к чему. Расталкивая людей, молла вышел вперед, возвел руки к небесам и обратился к верующим: «Правоверные! Всемилостивый Аллах услышал наши молитвы. Свершилось великое чудо. То, что вы видите, это знамение того, что через девять месяцев свершится пришествие имама». Но многим верующим было не до «пришествия» имама в этой суматохе. На утро прохожие со смехом и сочувствием читали прикрепленную к двери мечети бумажку: *«Эй человек, укравший мои новые башмаки и оставивший свои старые шлепанцы! Пусть земля проглотит твоих родителей и родных!»*.

Вообще молла Рухулла был неизменным героем острых анекдотов. Он за деньги отпускал грехи очевидным преступникам, освящал именем Аллаха самые гнусные сделки. Он сам тайком рассказывал своим друзьям, как за 50 туманов он совершил акт бракосочетания 12-летней девочки, дочери Ага Алиева, с пожилым мужчиной. Помимо этих мулл в Ашхабаде орудовала целая армия сеидов – «потомков пророка», которые так же обирали наивных верующих. Одним из способов наживы были организуемые сеидами «тешты». Процедура обряда *тешит* заключалась в следующем. Большой медный таз заполняли «святой» водой, вокруг него ставили зажженные свечи. Желающие исцеления от всевозможных недугов женщины подходили к тазу, окунали руки в «святую» воду и мазали больное место. За пользование «святой» водичкой больные оставляли определенную сумму денег в рядом стоящей для этой цели посуде. Такие

тешты часто организовывались, например, на квартире Азиза Ардабили, проживавшего по улице Возрождения.

Страшными были картины религиозного обряда мусульман шиитского толка *шахсей-вахсей*¹⁶. В месяце Мухаррам¹⁷ каждый вечер тысячные толпы верующих мужчин и женщин заполняли мечети, молились до иступления, слушали мулл до поздней ночи. Своего кульминационного момента самобичевания верующих доходило в последние дни Мухаррама, в так называемые дни Ашуры. Целые отряды фанатиков, одетых в черные балахоны с вырезами на спине, ходили по улицам и безжалостно били себя толстыми железными цепями. Еще страшнее было наблюдать картину «рубки голов», когда фанатики во имя имама Хусейна, истекая кровью, наносили удары кинжалами по своим бритым головам. Причём, различные группы верующих старались перещеголять друг друга в самоистязании. Так, шемахинские азербайджанцы старались показать себя перед иранскими, карабахские – перед шемахинцами и т.д. Эти дикие шествия с факелами и барабанным боем переходили из одной мечети в другую, оставляя на улицах кровавый след. Как известно, в религиозных обрядах суннитов нет шахсей-вахсей, однако в толпе самоистязующих фанатиков можно было встретить много суннитов, которых завлекли сюда «братья» шииты. В ходе исполнения этих диких обрядов десятки людей падали без сознания от потери крови. Их клали на ковры и выносили с поля «побоища». Смертельные исходы не были исключением. Но эти жертвы могли умирать спокойно, так как для них, как учили муллы, уже было забронировано место в раю. Только один вопрос оставался открытым: кто будет кормить детей этих вознесшихся в небеса фанатиков? Конечно, муллы и ишаны не торопились в рай, они предпочитали пока оставаться на бренной земле,

¹⁶ На фарси – сокращенная форма возгласа «Шах Хусейн, вах, Хусейн!».

¹⁷ Мухаррам – первый месяц мусульманского лунного календаря, один из четырёх запретных месяцев, в которые в доисламские времена нельзя было убивать, вести войны и охотиться вокруг Каабы. На десятый день этого месяца приходится праздник Ашура — для суннитов это день ниспослания Аллахом великой благодати десяти пророкам ислама. Шииты отмечают Ашуру как траур и проводят комплекс обрядовых действий: траурные церемонии и обряды в знак памяти о мученической гибели в 680 году (или 61 года хиджры) сына Али, внука пророка Мухаммада – имама Хусейна, его брата Аббаса и войска из семидесяти шехидов в результате сражения с войсками омейядского халифа Язид I в битве при Кербеле. В день ашура на улицах города с шиитским населением организуются процессии-представления, во время которых воспроизводятся сцены (шабих) борьбы и гибели Хусейна и его приверженцев. См. также: *Март С. М.* Мохаррам (шиитские мистерии как пережиток древних переднеазиатских культов) // Традиционная культура народов Передней и Средней Азии. Л.: Наука, 1970. С. 311-366.

уступая небеса более наивным рабам Аллаха. Более трезвомыслящие верующие также не торопились в рай. Мясник Ферман, например, ссылаясь на малокровие, в дни Ашуры всегда нанимал за определенную сумму какого-нибудь бедного курда для рубки головы вместо себя.

Если муллы шиитов и суннитов проповедовали ислам устно и по старым догмам Корана, то бехаисты прибегали к более уточненным формам одурманивания людей с учетом происходящих в жизни общества изменений. Так, в издаваемом бехаистами журнале «Хуршид-хавер» была помещена статья Мирзы Мехти Газы под заголовком «Вера для человека важнее хлеба». В этой статье автор, в частности, доказывал, что учение бехаистов – самое лучшее вероучение для человека. Оно согласуется не только с религиозными потребностями людей, но и с законами общественного развития. Бехаистское учение не отвергает коммунизм, а наоборот, в нем много общего с учением Маркса.

Духовный урон, наносимый людям религиозным дурманом, не поддается перерасчету на деньги или материальные ценности. Если взять только материальную сторону урона, наносимого людям религией, она выглядит слишком внушительной. Вот лишь одна цифра. По данным сырьевых заготовок в 1925 году только в Ашхабадском районе в день празднования Курбан-Байрама было убито 40.000 голов мелкого рогатого скота из общего количества 400.000 голов. А сколько еще не учтенного? Местные советские власти предпринимали определенные меры для ограждения жизни и здоровья населения, для защиты детей от тлетворного влияния религиозного фанатизма. Так, в июле 1925 года был издан приказ Народного комиссариата внутренних дел ТССР за №190, запрещающий в дни Мухаррама и Ашуры организацию диких кровавых шествий по улицам города. Исполнение религиозных обрядов рекомендовалось проводить в закрытых помещениях.

Партийные организации, советские активисты также проводили большую антирелигиозную работу среди населения. Открывались клубы, красные уголки, читальни, драмкружки, создавались кружки безбожников. На партийных собраниях обсуждали коммунистов, тайком исполняющих религиозные обряды, предавали гласности имена таких людей. В газетах можно было прочесть, например, такое объявление: *«В пятницу в 2 часа дня в клубе Нариманова состоится суд чести над коммунистом Н., который обвиняется в соблюдении поста Ораза. Приглашаются коммунисты, комсомольцы, кустари, трудящиеся».*

Все это было лишь началом борьбы нового общества от насажденного веками старых традиций и обычаев. Многие годы еще после установления советской власти муллам-шарлатанам удавалось одурачивать часть населения – наиболее темную и фанатичную и сколачивать огромные состояния за их счет. Разбогатев, эти муллы покидали нашу страну, уходили в Иран и приступали к бизнесу в более широких масштабах. На их месте появлялись новые голодные «святые» в поисках куска хлеба, а потом и богатства. Главным поставщиком мусульманских «святых» для ашхабадцев был Иран – страна, еще забитая средневековым дурманом.

ДЕТИ, ШКОЛА

В наши дни проблема детей совершенно отличается от того, что было 40-45 лет назад. Сейчас дети обуты, одеты, пристроены в школах. Перед ними открыты все дороги. Они могут помимо общеобразовательной школы участвовать в различных научных и технических кружках, посещать музыкальную школу и т.д. Отдельные случаи неохвата ребенка школой рассматриваются как чрезвычайное происшествие.

Для них широко открыты двери спортивных площадок, пионерские лагерей, туристических баз. Дети наших дней более развиты физически и духовно. Сегодняшние дети более рослы, чем их сверстники тех далеких лет. Все блага, созданные обществом для них, кажутся нашим детям также естественными, как естественно дышать свежим воздухом. Многие же подростки и молодые люди не задаются трудом поинтересоваться, а как жили и учились их отцы, в каких условиях они приобщались к азам науки.

Перенесемся в двадцатые годы, трудные годы становления нового общества, годы лишений и борьбы за нового человека. Подавляющее большинство детей, как и их семьи, испытывали нужду в самых первых необходимых вещах – пище и одежде. Одежда детям передавалась от брата к брату. Обувь, ношенную старшими год-два, всю в заплатках, приходилось донашивать младшему. Игрушкой для мальчиков и девочек были тряпичные мячи и самодельные куклы. Вряд ли сегодня найдется подросток, не разломавший на своем веку один-два детских велосипеда или самоката. А тогда? Обладателю железного ободка от старого велосипедного колеса тогда завидовали соседские мальчики.

Многие дети не могли посещать школу. Не хватало и школ, и учителей. Десятки тысяч детей были лишены родительской ласки, были беспризорными. Что касается детей, которым посчастливилось ходить в школу, то их учебное хозяйство было слишком примитивным. Потрепанный букварь, как одежда и обувь, переходил по наследству от старшего к младшему. Вместо нового портфеля с блестящими замками - сшитая матерью сумка из мешковины, сшитые из бумаги самодельные тетради.

Утром, собрав это нехитрое имущество и положив в карман кушочек черствого хлеба и кисточку винограда, направляется ученик в школу или медресе. Путь от дома до школы и обратно был сопряжен с многими приключениями. Иной раз догонит тебя мальчик постарше, пошарит у тебя в карманах, в сумке, возьмет, что ему понравится (хлеб, ручку, резинку). Обидно бывало, когда у тебя отнимут единственный черный пряничек и при тебе же его съедят. А ты стоишь и глотаешь слюни. Хорошо, если в «благодарность» не получишь еще и подзатыльник.

Счастливыми были дети, посещавшие малочисленные в то время советские школы. Многих же детей родители по старой традиции отдавали в частные школы и медресе. Система обучения была разношерстной. В частных духовных школах (мектебах) дети обучались еще по старым методам, зубрили непонятные суры Корана. В таких школах мулла один был «всей школой» и олицетворял «всю науку». Окончившие ее дети в лучшем случае могли написать *салам хаты* (поздравительное письмо).

Отдавая своих детей в такие «школы», родители обычно заключали с муллой устный договор: *сунки менинки, эты сенинки* (кости ребенка мои, мясо твое). Это означало, что мулла наделялся неограниченными правами наказывать ребенка (лишь бы кости были целы) за провинности и непослушание. Более того, многие наивные родители тешили себя сказками мулл о том, что того места на теле ребенка, которого коснулись розги учителя, не коснется огонь ада. Было немало случаев, когда жестокие удары мулл оставляли детей на всю жизнь калеками, слепыми и т.д. Наиболее сообразительные ученики, направляясь в школу, обматывали свои плечи, спину кусками старой кошмы под рубахой, чтобы «святые» розги меньше касались голого тела.

Имея такие права, мулла наказывал ученика по всякому поводу: опоздал – бьют, забыл тетрадку – бьют, запнулся при ответе – тоже получай. Многие муллы-садисты постоянно держали при себе орудия пытки – дюжину смоченных в воде тутовых прутьев (лишь бы

костей не переломить). Так что ученики, выходя из такой школы, глубоко вздыхали и имели такое ощущение, будто вырвались из пасти самого дракона. Одним из таких учителей-мучителей был Битли-молла (Вшивый молла), живший в начале двадцатых годов на улице Белинского. Никто не помнил его настоящего имени, но прозвище Битли-молла за ним прочно утвердилось. Он был на редкость жестоким и завоевал жгучую ненависть своих учеников.

Ученики становились «поэтами» поневоле и сочиняли о Битли-молла едкие стихи. Помнится одно такое стихотворение: *«Битли Молланын эдаси // Даглара душди седаси, // Битли Молла дамда ятар, // Арвади шиллаг атар»*. В переводе эти строки выглядят так: *«Деяния Битли Молла // Стали известны даже в горах. // Битли Молла спит на крыше, // Жена развлекается на стороне»*. Конечно, подобные вирши становились достоянием Битли-молла и он приходил в ярость. Все свое зло он срывал опять-таки на учениках. А те всерьез поговаривали о том, чтобы подложить под его сиденье много пороха и взорвать, чтобы мулла скорее вознесся к Аллаху. Нужно отдать должное прозорливости Битли-молла. Почувствовав, что его «эре» приходит конец, он, не дожидаясь страшной мести учеников, вовремя закрыл свое заведение и убрался восвояси в Иран.

Занятия в духовных мусульманских школах проводились на полу или циновках, т.к. что ученик в первый же день занятий должен был принести с собой тюфячок для сиденья на коленях. Ход обучения грамоте представлял собой сплошную зубрежку отдельных сур Корана. После длительной зубрежки одних и тех же писанных строк, повторяя за муллой, ученик начинал понимать, что арабская вязь представляет собой письмена, начинал различать отдельные заглавные буквы и так далее. Знакомство с арабским алфавитом проводилось оригинальным методом: каждая буква называлась целым словом, первый звук которого начинается изучаемой буквой. Например: б – базар, с – соган, ч – чигир и т.д. Надеяться, что эти школы дадут какие-то сведения по общеобразовательным дисциплинам, было нечего. Максимум, что они давали, это то, что ученик умел писать и читать на арабском графике и знал две-три популярные молитвы из «святого писания» ислама.

Мулла был в таких школах, как говорят, царь и бог. О каком-либо контроле за ходом обучения говорить не приходилось. В эти школы дети шли хмурые, частенько из-под палки. Каждый день, направляясь в школу, дети думали об одном: будет он сегодня бит учителем, или нет. Одна нога ребенка шла в школу, другая нет. Он мысленно сравнивал отца и учителя. Кто из них более суров? При малейшей

надежде на родительское снисхождение, он направлял свои стопы на улицу «Свободы».

Зажиточные бехаисты содержали за собственный счет особую школу для своих детей. Она находилась на проспекте Свободы и позднее была переименована в фарсидскую школу имени 5 лет ТССР. В этой школе обучалось около семисот учеников (мальчиков и девочек) и она считалась самой обеспеченной в городе. Родители-коммерсанты ежемесячно выделяли 600 рублей на содержание школы. Мы выше отмечали, что бехаисты даже религиозную пропаганду проводили в утонченной форме, приспособляясь к условиям советской власти. При воспитании своих детей они также исходили из этой политики. Детям рекомендовали вступать в комсомол, чтобы легче было потом поступить в советский вуз.

Была и другая, содержавшаяся на средства родителей школа Сабирие. Здесь учились дети мелких торговцев и кустарей. В финансовом отношении эта школа находилась в тяжелом положении. Родители выделяли в месяц лишь 160 рублей, которых явно не хватало на обучение и содержание учителей. Одним из популярных в то время учебных заведений Ашхабада была школа Музаффари, финансируемая иранским правительством и находящаяся под неусыпным контролем иранского консульства. Она находилась на углу улиц Первомайской и Возрождения). Там сейчас размещается один из корпусов Туркменского медицинского института. Здесь в основном учились дети иранских поданных.

Преподавание велось в этой школе на фарси. Но здесь вынуждены были учиться и азербайджанские дети, так как отдельной азербайджанской школы в то время не было, она открылась позже. Заведующего учебной частью этой школы обычно присылали из Ирана. Что касается директора и учителей, то они подбирались на месте в Ашхабаде иранским консулом. Резиденция иранского консула находилась на углу проспекта Свободы и ул. Калинина. В первые годы советской власти заведующим учебной частью этой школы был прибывший из Ирана некто Назим, в руках которого находилась фактическая власть в школе. В школе свирепствовала палочная система. При этом каждый преподаватель, помимо общей установки, имел свои методы наказания учеников. Одни били ученика по суставам руки ребром линейки, другие поднимали ученика за уши, третьи сажали ребенка коленями на горошины и держали в таком положении длительное время. Назим установил в школе жестокий режим. Для начала урока трижды ударяли в колокол. Первый удар означал *замри!*, то есть в каком бы положении ученик по времени первого

звонка не находился, он должен оставаться в таком же положении. Даже находясь в туалете, ученик должен был оставаться в положении *замри* до второго звонка. За несоблюдение этой установки в надежде, что о тебе не узнают, жестоко наказывали: многочисленные шпионы подслушивали, подсматривали и докладывали Назиму. При втором звонке ученик должен был, сломя голову лететь в класс и занимать свое место. Третий звонок извещал о скором приходе учителя. Помнится стихотворение, сочиненное учениками по поводу этих порядков, где в «сильных» выражениях поносится деспот Назим:

Ек, ду, се
Зенги медресе
Чахар, пяндр, шиш
Назим бегу иш
Хэвт, хэшт, но
Назим бехур го

Раз, два, три
Школьные звонки
Четыре, пять шесть
Назим наклонись
Семь, восемь, девять
Назим кушай.

Это стихотворение всем ученикам пришлось по сердцу и они с удовольствием его повторяли. Но не дремали и доносики Назима, стихи стали известные и ему. Десятки учеников старших классов были бесчеловечно избиты, некоторые из них по много недель лежали дома в тяжелом состоянии.

Вспоминается и другой случай массовой экзекуции. Школа имела большой двор, в котором росли розы различных сортов. По приказу Назима к цветнику было прибито строгое «Рвать цветы воспрещается!» арабскими буквами. Стоило одному сообразительному ученику умудриться изменить одну арабскую закорючку, как это грозное предупреждение зазвучало по-новому: «Смешить воспрещается!». За такое вольнодумство по приказу Назима все ученики первой смены были построены преподавателем физкультуры Карамовым в одну шеренгу с вытянутыми в сторону правыми руками. По команде *шагом марш* ученики проходили мимо стоящего на ступеньке Назима, который бил вишневыми прутиками по ладоням учеников обжигающими ударами. Потом в том же порядке били по левой руке. Затем еще раз повторяли представление. Никто из учеников при этом не осмеливался отдернуть руку от удара, так как все хорошо знали, что избежав одного удара по руке, тут же получишь два удара по голове.

После такого «пропускания через строй» о письме и думать было нечего. Распухшие, кровоточащие ладони не были в состоянии держать карандаш.

В школе Музаффари помимо всего имела и «камера ужасов», куда запирали особо провинившихся учеников. Это было подвальное помещение во дворе школы, в котором хранились в банках со спиртом всякие твари: змеи, пауки, фаланги, ящеры и т.д. Эта камера действительно наводила ужас на детей. О диких нравах, существующих в школе Музаффари, много говорили в городе, писали даже в газетах.

Вот начинается урок. Сотый раз задает учитель ученикам один и тот же вопрос:

- Какова форма Земли? (*Зэмин чторе хэст?*).

- Земля имеет форму шара (*Зэмин гюлэ хэст*) - отвечали дети хором.

- Двигается ли Земля? (*Ая зэмин яэрэкэт микуни?*).

- Земля движется (*Бэлин, зэмин хэрэкэт микуни*).

Ученикам страшно надоедало это ежедневное однообразие. Многие на уроке начинали заниматься посторонними делами. Учитель как бы ждал этого момента. Он прекращал урок и приступал к «воспитательным» функциям. Захватив провинившегося ученика за ухо и выворачивая его, учитель постепенно поднимал руки вверх. Собрав все свое мужское достоинство, ученик, молча зажмурив глаза и морщась, тянулся за рукой учителя вверх, пока ноги его не выпрямлялись окончательно. Дальнейшая судьба ученика зависела от настроения учителя: он мог остановить движение руки на этом уровне и закончить наказание; или же движение руки вверх могло продолжаться. В последнем случае ученик, потеряв под ногой опору, издавал душераздирающий рёв.

Среди молодых преподавателей школы все же чувствовалось веяние нового, несмотря на установленный Назимом реакционный деспотический режим. Они пытались применять более прогрессивные методы преподавания, знакомили учеников с произведениями Саади, Фирдоуси, Омар Хайяма и доступными средствами протестовали против установленного режима. Душевный покой для учеников наступал лишь в те минуты, когда учитель рассказывал, как его самого обучали.

Нередко в школе проводились поголовные обыски учеников. В такие дни учеба повсеместно прекращалась. Отбирали у учеников всё: альчики, волчки, лянги, рогатки, перочинные ножики. Все эти трофеи складывали в кучу посреди школьного двора, обливали керосином и перед строем учеников со всеми почестями предавали их огню.

Вольница для учеников наступала лишь в дни больших каникул. В это время ученики за версту обходили свою школу, а учителей своих избегали подавно. Основным и единственным местом отдыха и

развлечений детей была улица, обыкновенная улица - *мехелле* (квартал), в котором ученик живет. Это место казалось раем для детей. С утра до ночи улицы оглашались звоном детских голосов. Дети могли безбоязненно возиться в уличной пыли, так как почти никакого движения транспорта не было, если не считать редко проезжающие фаэтоны и арбы. Многие дети слонялись вокруг базаров. По примеру старших они создавали свои малые базары.

Где им было понять НЭП! Сделав складчину из своих нехитрых сбережений из медяков, они покупали на рынке огурцы, яблоки, кукурузу. Раскладывали свой товар в тени вдоль арыка и начинали свой «бизнес». Основными покупателями малого базара были такие же дети. В течении длинного дня эти «торговцы» больше съедали сами, чем продавали. Некоторые дети во время каникул работали чистильщиками обуви. Не смея подходить близко к взрослым чистильщикам, с ящиком за плечом и щетками в руках, они слонялись по разным улицам.

Под влиянием ежедневных представлений цирковых борцов, дети на своих улицах так же организовали схватки борцов. Один представлял из себя красную маску, другой черную маску, третий гайдамака или Сали-Сулеймана¹⁸.

Дни каникул пролетали быстро. Снова нужно возвращаться в школу к жестокому Назиму, к учителям, подымающим за уши. За отдельными исключениями эти учителя, видимо, действовало по принципу «сколько получаю, столько и отдаю». Нужно отметить, что учителя эти получали за свой труд не много, к тому же не регулярно. Отпускаемых иранским правительством на содержание школы 100 туманов (25 рублей) в месяц было далеко недостаточно. Эта сумма не покрывала и одной десятой части необходимых средств. А когда родители учащихся стали требовать демократизации школы, ее советизации, то иранские власти и вовсе прекратили финансирование школы. Несмотря на это драконовское решение, некоторые учителя школы Музаффари продолжали в течении многих месяцев самоотверженно работать с детьми, не получая никакой платы, кроме благодарности родителей. Дело кончилось тем, что по решению вновь созданного родительского комитета, возглавляемого Мамедом Ахундовым, родители учащихся частично возместили труд учителей, а сама школа была изъята из ведения иранских властей и преобразована в советскую.

¹⁸ Мамá Махтулаев (Сали-Сулейман) — известный дагестанский силач и борец. Двукратный чемпион мира по борьбе 1906 и 1907 годов.

Все эти проблемы были связаны с нехваткой школ и педагогических кадров, с экономическими и политическими трудностями в первые годы советской власти. К тому же внутренние недоброжелатели чинили всевозможные препятствия мероприятиям советской власти в школьном деле. Тот же Битли-молла, который работал еще по совместительству в школе Музаффари, первым покинул школу в связи с решением ее советизации.

Советская власть предпринимала определенные меры по подготовке местных советских педагогических кадров. Открылся педагогический техникум, краткосрочные педагогические курсы, Инпрос (Институт просвещения). В такие учебные заведения мобилизовывались все более или менее грамотные туркмены независимо от возраста. Нередко среди контингента слушателей оказывались даже пожилые служители религиозного культа, большинство которых сбегали, не окончив курс обучения.

Положение с грамотностью населения было тяжелое. В 1925 году число грамотных в республике составляло лишь 40.058 человек или 5% населения. 80% грамотных приходилось на долю русского населения и национальных меньшинств. С образованием Туркменской ССР стали открываться многочисленные советские школы, в которых началось обучение детей широких слоев трудового народа. Если весной 1925 года в 249 школах в республике обучалось 13.430 детей, то в 1926 году число школ достигло до 348, а число учащихся до 21.480. При этом учитывался многонациональный состав населения республики¹⁹. В Ашхабаде, например, кроме русских и туркменских школ и техникумов открылась азербайджанская школа им. Нариманова, армянская школа им. Шаумяна. Позднее на базе школы Музаффари и школы им. Нариманова была открыта большая азербайджанская школа имени 26 бакинских комиссаров. На месте этой школы ныне расположены школа-интернат № 1 и летний кинотеатр им. 26 бакинских комиссаров.

Советская власть стремилась обеспечить всем детям возможность обучения на их родном языке. И там, где имелась такая возможность, она претворялась в жизнь. Но бывали случаи, что для небольшой этнической группы нет возможности открывать национальную школу. В связи с этим вспоминается опыт с белуджами. В

¹⁹ Подробно об этом см.: *Дурдыев Т.* На пути становления социалистической культуры в Туркменистане. Ашхабад: Ылым, 1986. С. 75-90; *Аннакурдов М.Д., Кузьмин О.Д., Курбанов А.А.* Развитие народного образования в Туркменистане после создания республики (1925-1929 гг.). Ашхабад: ТГУ, 1981.

Туркмении, как известно, живет небольшая этническая группа белуджей, оторванных давно по каким-то причинам от основной массы нации, живущих в Афганистане и Пакистане. Даже по переписи 1959 года белуджей в Туркмении проживало менее 8 тысяч человек. Белуджское население было поголовно безграмотным и среди них очень сильны были патриархально-родовые традиции. Как приобщить их к учению и свету, как создать для них национальную школу, если нет не только педагогических кадров, но и почти не было грамотных среди взрослых белуджей? На каком языке их обучать? Учитывая, что они живут в сельской местности и туркменский язык для них является более или менее понятным, так как они постоянно общаются с туркменами, было решено подготовить первую группу учителей-белуджей через туркменскую группу Ашхабадского педагогического училища. Вот на подготовительное отделение педучилища прибыла группа молодых белуджей (человек 20), которые начали учебу с ребятами-туркменами. Общая подготовка ребят-белуджей была крайне слабой. Они не умели говорить не только по-русски, но и с туркменами объяснялись с трудом. Зато у них был силен дух патриархальщины, обособленности, дух свободы (т.е. неподчинения установленным правилам). Об учебе, по-видимому, они думали меньше всего, так как успевающих среди них вообще не было, если не считать их «вождя» по имени Али, который имел некоторое представление об изучаемых дисциплинах, умел объясняться по-русски и по-туркменски. Всякие переговоры (официальные и неофициальные) с ребятами-белуджами велись только через него. Он же получал стипендию за всех и распределял по своему усмотрению. Видимо, он же был и «военачальником», так как когда учащиеся белуджи вечерами отправлялись на прогулку по ашхабадским паркам (с толстыми короткими палкам под рубашкой), то Али шествовал во главе «дружины».

Ребята-белуджи, несмотря на неуспеваемость, оценки требовали и брали их с боем. Установленные в педучилище порядки, авторитет учителей они не признавали. С ними мог поладить в училище лишь один человек – директор училища, опытный педагог Баба Сафаров, который умел свободно говорить на их языке. Каждый вечер на закате по сигналу (пронзительный свист «соловья-разбойника») белуджи собирались на крыше директорской канцелярии (расположенной между учебным корпусом и общежитием) и обсуждали планы на предстоящий вечер, на будущую неделю. Все сходило им с рук, прощались все их шалости как представителям национального меньшинства. Вспоминается и такой случай, который также прошел

для этих детей природы безнаказанно. Время было предпраздничное, готовились к 1 Мая. Однажды, вернувшись с занятий, учащиеся целого крыла огромного двухэтажного общежития не обнаружили своих простыней на койках. Несколько дней доискивались похитителей, да так и не нашли их. Правда, ребята догадывались чьих это рук дело, но... Все выяснилось в день Первомая, на параде. Проходя перед трибуной на площади Карла Маркса, наши белуджи исполняли чудесный танец с палками в национальных костюмах: белая чалма, белая кофта, белые шаровары, белые юбки, сшитые из наших простыней²⁰. Их даже снимали в кино. Как же их тут накажешь, если они так усердно готовились к революционному празднику и преподнесли такой приятный сюрприз, что на общем фоне других учреждений педагогическое училище выгодно отличалось перед трибуной, на глазах правительства и публики.

ВОДОСНАБЖЕНИЕ

К столице Туркменистана применимо местоимение «самая» в нескольких смыслах. Во-первых, это самая южная из столиц союзных республик. Во-вторых, самая жаркая из них. В-третьих, возможно, и самая зеленая. Во всяком случае, такой она кажется на фоне сжавших город с севера и с юга бескрайних песков Кара-Кумов и голых холмов предгорий Копетдага. И всё это прямо связано с проблемой воды. Юг, жара и зелень требуют воду. Мы не откроем Америку, если скажем, что для Туркмении вообще, а для Ашхабада в частности проблема воды была и остается одной из самых злободневных. Почти все города мира расположены на берегах морей и рек. Ашхабад в этом отношении исключение. «Вода – это жизнь», – говорят туркмены. Ведь не зря же советские люди прорыли 800-километровую трассу Каракумского канала и довели воды Амударьи до Ашхабада. Это самый длинный в мире канал.

Сейчас положение Ашхабада в вопросе водоснабжения не хуже, чем в любом другом городе. Водопроводы с прозрачной холодной водой в любом доме, фонтаны в скверах, садах, парках, купальные бассейны, широкий канал, искусственное озеро... Все это дело рук советских людей, сделавших Ашхабад «букетом роз в пустыне». Но

²⁰ Имеется этнографическое описание этого танца: Маметнуров С. Игра палками белуджей // Памятники Туркменистана (Журнал Добровольного общества охраны памятников истории и культуры Туркменистана). 1991, №2/52. С. 31.

если бы кто из ашхабадцев вдруг очутился в своем городе сорока-пятидесятилетней давности, он не узнал бы его. Он бы встретил грязный, пыльный, очерченный глинобитными дувалами типичный среднеазиатский город. На всем лежала печать недостатка воды. Город изнывал не только от жары и жажды, но и страдал от пыли, поднимаемой пешеходами, всадниками, арбами, караванами верблюдов. Временами город становился темным от пыльной поземки. Пыль с саманом, поднятые с тысяч глиняных крыш, забивали глаза и уши прохожих. В такие минуты лавки и лавчонки закрывались. Люди, идущие по улицам, искали укрытие от пыли, как от ливня. Город на время как будто замирал.

Если бы заборы и крыши строились не из глины, а улицы и тротуары время от времени поливались, то всей этой картины бы не было. Но тротуары поливались в редких случаях и то вдоль проточных арыков. Деревья покрывались толстым слоем пыли и страшно было проходить под ними во время редких дождей осенью и весной, так как с листьев лилась одна грязь. Чтобы читатель не думал, что мы слишком сгушаем краски, укажем, что именно в Ашхабаде родился проект создания искусственного дождевания. Автором проекта был физик Федосеев, работавший в Ашхабаде²¹. Этот проект не только родился, но и пробивался к жизни. В тридцатых годах на самом высоком холме на юго-западной окраине города была сооружена огромная (наподобие телевизионной) четырехгранная металлическая башня, с помощью которой автор проекта думал вызвать для Ашхабада искусственный дождь. Но ашхабадцы не получили желанного дождя, проект в то время оказался неосуществимым. Эта башня стояла над Ашхабадом не только как памятник неосуществленной мечты, но и как символ дерзновенных человеческих поисков. В начале Великой Отечественной войны башню разобрали на металлолом.

В те годы Ашхабад снабжался водой из кяризов и водопровода, проложенного еще в 1911 году. Кяризы – это удивительные сооружения, свидетельствующие о человеческом упорстве и изобретательности. В районе Ашхабада, как известно, путь воде из редких источников и родников подножья гор в город преграждают высокие

²¹ В 1932-1938 гг. существовал Туркменский институт искусственного дождя, который возглавлял доцент кафедры физики Ашхабадского пединститута, впоследствии доктор физико-математических наук, профессор Одесского университета Валериан Александрович Федосеев (1910-1980). Он изучал вопросы ионизации молекул некоторых веществ рентгеновскими лучами и возможности создания искусственного тумана и дождя.

холмы. Нужда в воде, борьба за жизнь издревле научили здесь людей преодолевать такие препятствия. Люди как кроты вгрызались в тело холмов и по низкой горизонтали (ниже уровня источника воды) копали через них туннели, прокладывая путь воде. Эти подземные галереи, по которым мог проползти на коленях лишь землекоп, тянулись иногда на многие километры и проходили на большой глубине. Для доступа воздуха землекопу, а также для выемки земли через определенные промежутки рылись вертикальные колодцы. Рытье кяризов требовало кропотливого, изнурительного труда и большого мастерства. Вся эта тяжелая работа проводилась в глубоком и темном подземелье при помощи примитивных орудий – кирки и лопаты. Нередко труд землекопа обрывался трагически в результате обвала. Как было уже отмечено, специалистами по рытью кяризов в районе Ашхабада были, в основном, курды.

Прорытые таким путем кяризы сохраняли горную воду от загрязнения и испарения. По преодолении холмов к кяризам подключались водопроводы, несущие воду уже в город. Сооруженный еще до Октябрьской революции водопровод мог обеспечить город лишь частично – центральную и бывшую аристократическую части города.

Так, в центре Текинского и Русского базаров, в сквере Соборной церкви (около входа на республиканский стадион со стороны ул. Белинского) и в некоторых других районах города имелись добротно построенные водные павильоны-будки, которые обычно служили и местом жилья для обслуживающего персонала. Будки эти имели маленькие окошечки-кассы, через которые клиенты и будочники производили финансовые операции. За определенную сумму по преискуранту здесь можно было набрать чистую воду из крана, а также напоить скотину. Для этой цели из-под крана выходил зацементированный желобок, заканчивающийся бассейном-пойлом.

Значительная часть населения, жившая вдоль магистральных арыков, брала питьевую воду из них. Такие магистральные арыки были проложены по проспекту Ленина и улице Багирской. Многие жители домов, расположенных вдоль этих арыков, имели в своих дворах водоемы (хаузы), к которым шли отводы от арыков. В таких домах, как правило, хозяин семьи рано вставал и наполнял свой хауз пока еще не загрязненной водой. У состоятельного хозяина хауз был цементированным, у остальной же части населения он представлял собой вырытую в земле простую яму, крытую сверху. И вот эти ямы-хаузы служили для сотен семей хранилищем воды и для питья, и для хозяйственных нужд. В этих хаузах в изобилии

водились головастики, червячки, жучки и паучки. У рачительного хозяина кроме хауза имелись еще врытые в землю огромные гончарные сосуды, которые наполнялись водовозами за определенную сумму. Существовала профессия водовоза-сувчы. Одним из добросовестнейших водовозов Ашхабада был Акбер Ами. Нередко даже привозная вода вначале не годилась для питья из-за мути. Приходилось долго отстаивать воду или прибегать к помощи квасцов для ускорения оседания песчинок. Каждой семье, которая пользовалась услугами водовоза, приходилось ежегодно платить им до 100-120 рублей, из расчета 5 копеек за ведро. Отдельные домовладельцы из числа обладателей водопроводных кранов в своем дворе злоупотребляли этим: продавали воду из крана соседям по 5 копеек за два ведра, а то и дороже.

Еще одним немаловажным источником водоснабжения города были колодцы, которые имелись почти в каждом дворе. Но не всегда вода из колодца годилась для питья. Нередко колодезная вода оказывалась соленой и использовалась только в хозяйственных целях. «И на том спасибо», – говорили жители двора. Колодцы эти одновременно служили «холодильниками» в летнее время наподобие погребов в России. В этих колодцах-холодильниках хранились вода, фрукты, арбузы, дыни, подвешенные на длинной веревке. Кто испытал ашхабадскую летнюю жару, тот хорошо знает цену кружки холодной воды или ломтика холодного арбуза. Неоценимую услугу эти холодильники оказывали городской бедноте – они хранили там пищу. Обыкновенно пища варилась на два-три дня, и, если не хранить ее в холодном месте, то через несколько часов она портилась. Бесконечные подъемы и спуски в глубокий колодец пищевых продуктов часто заканчивались печально: обрывался груз или срывался с рук и уходил на дно. В таких случаях оставалось, как Ходже Насреддину, облизывать пересохшие губы и, обливаясь потом, шарить «кошкой» (баграми) по дну колодца, чтобы достать хотя бы ведро.

Кусок льда, если выразиться образно, ценился на вес золота. Недаром Али-бузчы был в городе известным человеком как продавец льда. Как же производил он лед без современных холодильников? Самым примитивным способом. Огромная, вырытая в земле яма заполнялась арычной водой. Когда в морозные дни эта вода замерзала, ее накрывали толстым слоем соломы. Летом же, по мере надобности, лед с одного конца откалывали и выносили на базар продавать. Конечно, поставщиком льда в Ашхабаде был не один Али-бузчы, были и другие бузчы, строившие свой бизнес на льду.

Большим спасением для ашхабадцев в жаркие летние дни являлись кувшины различных форм и величины, которые производились мастерами гончарных дел и тысячами продавались на базарах. Они хорошо сохраняли прохладу воды, особенно новые. Только здесь, в условиях жаркого климата, могла родиться популярная в народе поговорка: «У нового кувшина вода бывает прохладной». Не случайно также то, что во всех фильмах, отображающих картину базаров старых восточных городов, длинные ряды кувшинов являются обязательными.

Проблема воды ощущалась везде. О ней говорили всюду: и в гости, и на базаре, и в вагоне железнодорожных поездов. Много говорили о воде и в банях. Банщики всегда знали своих клиентов – любителей подолгу купаться и переводить драгоценную влагу зря. Из-за воды больше всех доставалось детям – большим любителям воды. Родители их вечно упрекали: меньше умывайтесь, меньше брызгайтесь, не выливайте воду на землю и т.д. А дети не могут обходиться без воды: им нужно брызгаться и обливаться и, главное – купаться. Вспоминаются детские годы, проведенные на берегу магистрального арыка по Багирской. Мы были счастливчиками по сравнению с детьми других районов города. Но и для нас проблема искупаться была сопряжена с большими трудностями и риском. Ведь озер, каналов, бассейнов тогда не было. Испытанным методом детей в этом деле было сооружение временных «бассейнов». Улучив удобный момент, десятка два мальчишек с лопатами в руках принимались за дело – быстро расширяли и углубляли магистральный арык, создавая достаточно большой водоем. «Бассейн» готов и мальчишки всех близлежащих улиц бросаются в него.купаются, брызгаются, обливаются, шумят, визжат в этом мутном водоеме, пока... Дело в том, что вдоль всех магистральных арыков разъезжали строгие конные надзиратели с плетками в руках. Завидев этих блюстителей порядка, мальчишки пускались наутек, захватив на ходу свои одежонки. Многочисленные мирабы быстро зарывали это нехитрое сооружение детей. И бассейн переставал существовать до следующего заговора детей.

Первым существенным вкладом советского строя в дело водоснабжения населения Ашхабада было сооружение почти в каждом квартале водопроводных колонок, из которых жители могли набирать чистую воду ведрами для своих нужд. В дальнейшем водопроводные линии стали пробивать себе путь ко всем дворам Ашхабада.

БАНИ

Ашхабад сегодня – город вполне европейский. Но в те годы, о которых идет речь, он был скорее восточным. А восточные города не бывают без восточных бань. И в Ашхабаде были такие бани, о которых нельзя не сказать, описывая облик города. Бани эти разделялись на мужские и женские. Иногда одна и та же баня несколько дней обслуживала мужчин, а несколько дней женщин.

Две пары бань (мужских и женских) находились на углу улиц Багирской – Возрождения и Багирской – Белинского. Первая баня принадлежала иранцу Гасану Гермекли, то есть родом из Гермекы – местности в Иране, вторая – кавказцу Хаджи-Абдул-Али. Бани существовали на улицах Подвойского, Крымской, Ташкепринской, Свободы, Жуковского. Баня, находящаяся на проспекте Свободы, называлась Мраморной, или Зеркальной. Дело в том, что на портале этой бани в цемент в ажурной форме были вбиты куски зеркала. Некоторые из этих бань сохранились и до наших дней – на Подвойского и Ташкепринской улицах²². В отдельных банях существовала номерная система. Такие бани обслуживали раньше аристократию: богатых купцов, офицерство, командующего Закаспийской областью и т.д. Но и после революции они еще долго сохраняли сословное деление. Они были доступны лишь богатым слоям населения.

Ашхабадские бани строились арочными на 5-6 метровой глубине земли, поэтому те из них, которые не были разобраны людьми, сохранились и после землетрясения 1948 года. Хозяева бань обычно действовали по испытанному методу дельцов: «Не обманешь – не продашь». Стоя перед своей баней, они зорко присматривались, как бы какой клиент не обошел его баню. Чтобы завлечь в баню солидного клиента, они пускали в ход все свое красноречие. А Гасан Гермекли осмеливался приглашать даже женщин, что было по тем временам большим риском.

Характерной была вывеска на бане Хаджи-Абдул-Али. Как символ здоровья на ней был изображен богатырь (*пальван*, *пехлеван*) одетый в доспехи, который, подняв в каждой руке за гриву по одному льву, пытался стукнуть их лбами. Но на деле эти «восточные» бани не являлись не столько источниками здоровья, сколько наоборот. Они, как и караван-сарай, в большинстве случаев служили рас-

²² В 1990-е гг. обе бани были снесены. Впечатляющее описание подземной бани на углу улиц Подвойского и Крымской см. в мемуарах Виталия Кочеткова «По сухекам памяти». URL: <https://www.chitalnaya.ru/work/2628304/> – дата обращения 05.12.2022.

садниками заразных болезней – таких как трахома, лишай, парша, дизентерия и приносили неисчислимые бедствия населению. В этих банях, как правило, имелись общие бассейны, как для холодной, так и для горячей воды, вода в которых менялась один раз в неделю, а то и реже. Бассейны эти были доступны всем – и больным, и здоровым. В результате – различные болезни, особенно кожные, распространялись со скоростью геометрической прогрессии.

Позже по требованию местных советских властей эти бассейны были закрыты для купанья, моющиеся могли брать воду лишь из кранов, вытекающих из этих бассейнов. Даже при таком положении вещей бани эти не были доступны всем. Там с улыбкой и поклоном встречали знатных торговцев и коммерсантов. А городская беднота не была желанным гостем. Многих в нее просто не допускали или выталкивали на улицу. Здесь нет преувеличения, ибо обслуживающий персонал не получал в этих банях никакой заработной платы. Этот персонал держался на чаевых. Более того, хозяин, зная своих посетителей и кто сколько дает чаевых, отбирал у прислуги часть их жалкого дохода.

В некоторых банях, где не было номерной системы, не пускали мыться «иноверцев». Однажды в женскую баню Гулам Гусейна (на бывшей Хилковской улице) пришла мыться девушка-молоканка²³. Жена Гулам Гусейна не пустила ее, выгнала, сказав: «Уходи, нечистая!». На вопрос посетителей: «Почему ты своей сопернице разрешаешь мыться в бане?» (Вторая жена Гулам Гусейна была русской), хозяйка ответила: «Мы ее в этой бане сделали мусульманкой, вылив ей на голову 40 ложек воды с молитвами. Теперь она даже чадру носит».

Бичом ашхабадских бань были кражи белья, часов, а то и всех вещей моющихся. Кражи происходили обычно рано утром или же поздно вечером, когда сами бани и банщики находились как бы в состоянии дремы, освещаемые двумя-тремя семилинейными керосиновыми лампами. В такие часы у посетителей бани невольно приходили на ум легенды о джинах, духах, обитающих в заброшенных домах, и заходили они в полутемные подвалы бань с грустными мыслями, шепча заклинания и фразу *бисмилла* (во имя Аллаха, ради бога).

В банях имелись цирюльник, массажисты, спинотёры, мозолисты. Тут же фыркал самовар: посетители после бани за определенную плату могли выпить чаю, заваренного корицей. В народе считалось,

²³ Молокане – последователи одного из течений духовного христианства. Молокане, жившие обособленно в русских поселках близ Ашхабада, были переселенцами из различных губерний Российской империи.

что чай, заваренный корицей, излечивает простудные заболевания. Цирюльник, помимо своей главной профессии – брадобрейства, занимался еще и побочным ремеслом – кровопусканием и костоправством. Кровопускание производилось как обычным народным способом – при помощи пиявок, так и кустарным методом: цирюльник обыкновенной бритвой, которой бреют бороды и головы клиентов, делал три-четыре надреза на спине больного между лопатками и, прикладывая туда бычий рог, высасывал из него воздух, ускоряя тем самым выход крови из надрезов.

Любители азартных игр ходили мыться в баню Сеид Асадуллы, где можно было сочетать приятное с полезным – купанье с игрой в карты. В женских банях орудовали знаменитые бабки, которых побаивались не только женщины, но и мужчины – все старались быть с ними на короткой ноге, в «дружбе». На это имелись веские причины. Эти бабки могли распуścić в городе о человеке дурную или добрую славу: у такой-то молодухи кривые ноги, косые глаза, кривая лопатка или наоборот – у такой красивая фигура, красивое лицо и т.д. Вопрос о том, какая слава пойдет о человеке, зависело от суммы подачки, которую получали эти «влиятельные» бабки. Как правило, матери молодых людей, которым предстояла женитьба, советовались с этими бабками в выборе невесты и прислушивались к их голосу. Поэтому особенно страшны были эти бабки для тех женщин, у которых были дочери на выданье. Главной же профессией таких бабок были домашнее акушерство и разноска по домам для продажи шелковых платьев, различной мануфактуры и других предметов женского туалета. Самой популярной бабкой была Сурахала, орудовавшая в бане Хаджи-Абдул-Али. Эту бабку при ее визите в какой-либо дом кормили и поили. Затем, чтобы угодить, покупали у нее хоть какую-нибудь вещь, если даже в ней не было необходимости.

Многие ашхабадские бани помимо всего прочего доставляли бесконечные хлопоты жителям близлежащих домов. Дело в том, что в те годы в городе не было канализации и для поглощения сточных вод вокруг бани сооружались многочисленные глубокие колодцы-ямы. Скапливаясь в этих ямах, огромные массы сточной воды образовывали подземные обвалы, что в свою очередь отражалось на состоянии близлежащих домов. Стены оседали, давали трещину и жить в этих домах становилось небезопасно. Хозяин бани, конечно, не признавал свою причастность к этим событиям, а судиться с богатым не под силу было беднякам.

Много хлопот населению доставляла проблема топки этих бань. Как правило, бани топились навозом. Во внутреннем дворе бань,

в так называемой кюльхане, хозяин делал большие запасы навоза. Его резкий запас постоянно висел над окружающим баню районом. Кроме того, зола от сжигаемого навоза никуда не вывозилась, а высыпалась прямо на проезжую часть улицы. Например, улица Багирская от Кольцова до Белинского состояла из толстого слоя золы, перемешанной с пылью.

Бани служили также важным элементом обряда бракосочетания у мусульманского населения города. По существовавшему обряду жених и невеста перед брачной ночью должны были мыться в бане. Жениха в баню и обратно сопровождали очень пышно: по бокам шли «дружки», за ними музыканты и многочисленные друзья и родственники. После выхода жениха перед баней на некоторое время устраивались танцы, затем шли домой с музыкой.

Невесту доставляли в баню без пышностей, крепко закутанную в чадру, в сопровождении нескольких женщин. Иногда, в порядке исключения, для богатых семей за хороший куш разрешалось внутри женской бани сыграть две-три танцевальные мелодии в исполнении музыкантов-женщин. В таких случаях обслуживающий персонал бани не упускал случая урвать побольше чаевых от организаторов свадьбы. Особенно грозным выглядел при этом кочегар, «главный стрелочник» в бане. Пока жених или невеста мылись, он накалял свою длинную железную кочергу добела. Перед выходом всей компании закрывал этой кочергой выход из бани и требовал подарки. Кочегару не отказывали, ибо к накаленной добела кочерге никто приблизиться не рисковал.

ОСВЕЩЕНИЕ

В начале двадцатых годов Ашхабад только выбирался из тьмы, как в переносном (социальном), так и в прямом смысле слова. Город имел три маленьких электростанции. Одна (железнодорожная) находилась в районе вокзала, вторая на улице Комсомольской (примерно на том месте, где сейчас стоит здание Президиума Академии наук ТССР). Эта станция ранее принадлежала миллионеру Тер-Мкртычеву. Третья электростанция располагалась на углу улиц Первомайской и Крымской. Мощность этих электростанций вместе взятых составляла всего 275 лошадиных сил²⁴.

Эти электростанции были настолько маломощными, что их энергии едва хватало на освещение близлежащих от них районов, то

²⁴ В энергетике используется электрическая лошадиная сила, равная 746 ватт.

есть примерно на одну десятую часть города. К тому же эти станции работали в определенные часы в вечернее время. Зато работали они шумно. За несколько кварталов было слышно их ритмичный стук (кух-кух). А подойдя ближе, можно было даже почувствовать содрогание земли под ногами и видеть выбрасываемые из трубы один за другим кольца дыма. Часто эти и без того маломощные электростанции из-за поломки изношенных деталей выходили из строя и останавливались на неопределенное время. Был даже случай, когда в результате поломки вала, сорвавшееся маховое колесо, пробив стену электростанции №1, выкатилось на Комсомольскую улицу.

Большая часть города с закатом солнца погружалась в темную южную ночь (конечно, за исключением четырнадцатого числа лунного месяца). В городе прекращалось всякое движение, и жители старались в целях безопасности не выходить из дома без крайней необходимости. А если нужда и заставляла кого-либо выходить на улицу, то он передвигался по улицам с фонарем в руке, придерживаясь проезжей части, подальше от темных тротуаров и переулков. Проезжая часть улиц также не имела никакого освещения, но все же там ходить считалось более безопасным: в случае нападения бандитов можно услышать шорох приближающихся шагов и успеть приготовиться к защите или иметь возможность «дать стрекоча». Дело иной раз доходило до курьеза. Некоторые, не отличавшиеся своей храбростью торгаши (как в то время их называли *хаджи-гара*), специально покупали поношенную милицейскую фуражку. Фуражку эту они одевали наголову вечерами, когда выходили в город, чтобы жулики, увидев фуражку, подумали, что идет работник уголовного розыска и держались подальше. В дальнейшем для создания более спокойной обстановки в ночном городе по решению городских властей был создан коллектив по охране города из 90 сторожей (по одному сторожу на 4 квартала) и установлено 12 телефонных будок для связи с милицией.

В торговых рядах в ночное время зажигались уличные фонари, одиноко торчащие на невысоких столбах. Эти фонари были не электрическими, а керосиновыми, вложенными в стеклянные коробки. Этого освещения хватало ночному сторожу лишь на то, чтобы не наткнуться на будку проходя между их рядами. Но, как правило, ночной сторож предпочитал не расхаживать между рядами, а сидеть, забившись в какой-нибудь темный уголок, подальше от греха. Разве мало ходило по городу всякого сброда, вооруженных бандитов, грабителей? Сторож лишь изредка подавал о себе знать, и то скорее для острастки и очистки совести: не зря, мол, ем хлеб. Набравшись храбрости, бывало, он пробормочет сонным голосом: «Эй, кто там замки

трогает? Думаешь, не вижу? Все вижу!». Лишь с наступлением рассвета сторож по-настоящему приступал к исполнению своих обязанностей: начинал усиленно расхаживать по рядам палаток, разглядывать замотанные в тряпку замки, напевать песенку. А с появлением же первых лавочников он начинает рассказывать им небылицы о ночных схватках с ворами, выдавая желаемое за действительность.

Позднее по решению местных властей домовладельцы обязывались на калитках или уличных дверях подвешивать фонари с указанием на коробке улицы и номера дома. В целях экономии керосина на уличных фонарях ставились маленькие лампочки.

В домах почти повсеместно использовались керосиновые лампы. В тусклом свете таких ламп вечерами матери штопали носки или детские портки, а дети готовили домашнее задание. В отдельных домах в зимние вечера зажигались мощные тридцатилинейные лампы. Кроме более яркого света, они выделяли еще много тепла и обогревали комнату. Кроме того, на эти лампы можно было еще ставить металлические треножки и использовать их для подогрева пищи.

Естественно, что в таких условиях над каждой семьей висела проблема ламповых стекол. Ведь эти стекла легко разбивались от любого неосторожного движения, а достать их было нелегко, да и стоили они недешево. А лампа без стекла что за лампа? Сиди и глотай копоть, а под носом размазывай черную сажу. Поэтому у хорошего хозяина всегда в каком-нибудь дальнем углу комнаты висело полдюжины ламповых стекол, нанизанных на шпагат. Не всегда можно было достать и нужный номер фитиля. В основном они находились в монополии спекулянтов.

Нередко для освещения в домах использовались и свечи. Постепенно лампочки Ильича²⁵ входили в быт. Появление электрической лампы в доме считалось большим событием-праздником. Домохозяйки ходили по домам к знакомым и поздравляли друг друга, дети, сидя на циновке, часами не отрывали глаз от ярких электрических ламп. Если кому-нибудь монтеры проводили свет, то все соседи собирались сюда и подолгу восторженно наблюдали за работой. А когда монтер заканчивал работу и вкручивал лампу в патрон, то каждый считал своим долгом из-за любопытства по несколько раз пощелкать выключателем.

²⁵ «Лампочка Ильича» — патетическое, образное название первых бытовых ламп накаливания в домах крестьян и колхозников в СССР. Словосочетание появилось после поездки В. И. Ленина в деревню Кашино в 1920 г. по случаю запуска местной электростанции.

ТРАНСПОРТ

В Ашхабаде тех лет самодвижущихся транспортных средств почти не было. Самыми популярными и наиболее комфортабельными средствами передвижения были фаэтоны. В городе было несколько бирж (стоянок) фаэтонов: на углах улиц Энгельса – Белинского, Энгельса – Кирпичной, Первомайской – Кирпичной, Свободы – Кирпичной и на вокзале. Вокруг этих бирж в воздухе постоянно висел аммиачный и навозный запах. Фаэтоны делились на классы по своей комфортабельности. Чтобы относиться к категории первого класса нужно было, чтобы и кони были резвые, и фаэтон исправный, и сам хозяин был опрятно одет и имел бравый вид. Среди извозчиков были и такие, когда казалось, что фаэтон вот-вот рассыплется, выдвывая колесами замысловатые кренделя. Клячи еле переставляли ноги, и сам хозяин был под стать своей лошади. Конечно, мало было охотников пользоваться услугами таких извозчиков без крайней нужды, несмотря на более низкую таксу.

Купцы, гочи и другие состоятельные люди, разумеется, разъезжали на фаэтонах «экстра-класса». Особенно изощрялись в этом отношении купцы, стремившиеся перещеголять друг друга в показном расточительстве. Например, иногда можно было наблюдать картину, когда один купец ехал по улице на двух, а то и на трех фаэтонах: на первом сам купец, на втором – его шляпа, на третьем – его трость. Гочи-плуты тоже старались не отстать от купцов. После удачно снятого куша они с дружками и музыкантами на нескольких фаэтонах с гиком и шумом проносились по улицам, горлая пьяные песни и распугивая пешеходов. Фаэтонщики часто участвовали на туркменских свадьбах. Каждый фаэтонщик при этом нажимал «на все педали», чтобы первым прибыть к дому невесты и получить *ат гулак*, т.е. дорогие платки, повязываемые на шею коням в качестве премии. В таких случаях страшно бывает переходить улицу перед приближающимся *гелинаяжы* (свадебное шествие), так как все – и арбы, и фаэтоны, и кони летят на бешеной скорости, оглашая окрестности ружейной пальбой. Такие шествия почти никогда не оканчивались без происшествий. Или кого задавят, или опрокинется арба или фаэтон, покалечив своих пассажиров, или кому-нибудь выбьют глаз, пробьют голову камнем «защитника» дома невесты.

На фаэтонных биржах устанавливалось какое-то подобие порядка, очередности, чтобы защитить интересы фаэтонщиков. Но бывали и такие случаи, когда неожиданно ломался весь порядок, установленный на бирже. Иногда вокзал не принимал пассажир-

ский поезд, прибывший со стороны Красноводска из-за занятости путей. Поезд останавливался перед семафором, не доезжая вокзала. Это замечали извозчики, ожидающие заказов у биржи, т.к. Кирпичная улица насквозь просматривалась до железной дороги. И тогда фаэтоны у биржи разворачивались и мчались к остановившемуся поезду. Кто стоял последним на очереди у биржи, прибывал первым к поезду. Извозчики врывались в вагоны, хватали багажи пассажиров и шли к своим фаэтонам. Пассажирам не оставалось ничего другого, как следовать за своим багажом.

Фаэтонщик, как и всякий предприниматель, был горазд на выдумки, чтобы привлечь внимание клиентов. Один красивым чехлом накроет сиденье, другой повесит красивый фонарь вечером, третий – вставит зеркало в стенку фаэтона. Находились и такие, которые в дни обильного снегопада запрягали сани, неизвестно каким образом очутившиеся в Ашхабаде. Прокатиться на саних по улицам Ашхабада видимо было также интересно, как проехаться по улицам Архангельска на верблюде.

Велосипеды, которые в народе называли *шейтан-арба* (чертова телега), начинали в то время только появляться. В дальнейшем эти шейтан-арбы быстро завоевали популярность среди дайхан пригородных аулов как удобное и быстрое средство передвижения и уже в тридцатых годах почти полностью вытеснили ослов. В народе по этому поводу сочиняли даже анекдоты. Например, тако: остановили пограничники табун ослов, направляющийся в сторону иранской границы и спрашивают: «Куда путь держите и зачем?». Ослы отвечают: «В Ашхабаде мы остались безработными, идем в Иран, где нас еще уважают и наверняка найдем работу».

Среди фаэтонщиков, арбакешей, как и среди амбалов и лавочников, существовали свои нравы, неписанные законы. Среди них также были свои главари, группировки. Нередки были случаи драки фаэтонщиков с арбакешами. Дрались по всякому поводу: из-за выгодного груза, клиента, иной раз даже из-за кнута. Среди фаэтонщиков был знаменит своей удалью и лихачеством Джин Касым. Его услугами большей частью пользовались постоянные и солидные клиенты. Они могли полностью довериться ему: Джин Касым никогда не обижал своего знакомого клиента. Но незнакомых клиентов, особенно вновь прибывших, Джин Касым мог «подвести под монастырь». Он мог иногда сам ограбить какого-либо ночного пассажира или же навести на след своих дружков.

Главным администратором гужтранспорта города, куда входило кроме фаэтонов еще 250 арб, был Цатур Осипов – прожженный тип.

Он имел двух неофициальных адъютантов - некоего Асада и плешивого Гусейна (кечел Гусейн), которые безотлучно следовали за ним всюду. Эта компания, пользуясь служебным положением своего главаря, систематически обирала фаэтонщиков и арбакешей, незаконно взимала с них деньги якобы за налоги, за номера, убеждала не вступать в профсоюзы, которые могли оградить интересы фаэтонщиков и арбакешей

Пассажирский автотранспорт начал появляться в Ашхабаде лишь в 1925 году. Пассажирский парк первоначально располагал десятью автобусами марки «Форд» и двумя легковыми автомашинами. Машины эти были небольшими, непригодными для перевозки пассажиров. Каждую машину обслуживало два человека – шофер и его подручный. В обязанности последнего входило крутить ручку после каждой остановки машины.

При таком количестве автобусов даже на самых многочисленных маршрутах курсировало не более двух-трех машин. Да и самих маршрутов было не более трех-четырех. Можно легко представить картину посадки пассажиров на автобусы: летели шапки, рвалась одежда, терялись калоши. Случалось и так, что пассажир уже в машине, а мешок его остался на улице. Большим событием было приобретение автопарком пяти мотоциклов с колясками. В летние месяцы городской автопарк прекращал перевозку пассажиров в городе и целиком переключался на линию Ашхабад – Фирюза. Широко рекламируя преимущества пользования автотранспортом на этой линии, газеты писали, что пробег автобуса от Ашхабада до Фирюзы займет не более 1,5 часа. Сообщалось и стоимость проезда: на автобусе – 1 руб. 50 коп., на мотоцикле – 2 рубля. При специальном заказе машины – 2 руб. 50 коп. с пассажира или 10 рублей за 1 час.

Так было в нашем городе в период становления новой жизни, совпавшего с годами нашего детства и отрочества. Время было трудное. Но уже занималась заря социализма. На знамени рожденного Октябрем нового общества сверкали кровью начертанные слова: «Мы наш, мы новый мир построим, // Кто был ничем, тот станет всем!»²⁶.

²⁶ Слова из «Интернационала» – международного пролетарского гимна коммунистических партий, социалистов и анархистов, сочиненного в 1871 г. французским поэтом Эженом Потье. В 1922-1944 г. «Интернационал» являлся государственным гимном СССР.

*Приложение 1***Из воспоминаний Брайны Беркович¹**

В 1924 году Ташкент, Самарканд, Ашхабад и другие города Советского Востока были наводнены тысячами и тысячами бездомных мальчишек. Они, как саранча, набрасывались на город и терроризировали все население. Днем они прятались в заброшенных развалинах или в разбитых фурах за холмами и в канавах, держась небольшими группами. Ночью они выходили из своих укрытий и творили ужасные вещи. Мало того, что эти бомжи воровали, грабили и насиловали, но во многих случаях они также наносили ножевые ранения и расстреливали людей. Среди этих «мальчишек» были 18-, 20- и даже 30-летние преступники с дореволюционными полицейскими делами. Именно они были лидерами и проводниками мелкой сошки. Партийной организации и Комиссариату просвещения Ашхабада пришлось немало потрудиться, прежде чем им удалось взять под контроль эту толпу. Они мобилизовали самых смелых и бесстрашных партийцев, учителей и рабочих. Им пришлось с помощью такта и лучших педагогических методов собрать всех этих беспризорников в городе и уговорить их добровольно поступить в «колонию для беспризорников».

К этому комитету присоединилась группа из 30 человек, и я была одной из них. Мы должны были вернуть этих правонарушителей на правильный путь. Было бы слишком долго рассказывать обо всем, как мы пытались завоевать их доверие. Дело в том, что, несмотря на все наши усилия, мы всегда терпели неудачу. Птицы опасались сетей. Бездомные редко заходили даже в городскую столовую, хотя мы обещали лучшие бифштексы и столько порций, сколько они захотят. Подойти к их тайникам было очень трудно. Каждый раз, когда мы попадали в их поле зрения, они бросали в нас камни или грязь. Они даже несколько раз стреляли в нас из пистолетов.

Это был конец октября. Туркестанская зима была ливневой с холодным ветром. Однажды, когда дождь немного утих, мы, группа из шести товарищей, вышли из города и направились к развалинам мечети².

¹ Опубликовано в *Der Kanader Adler*, 21 декабря 1940 г. Перевод с идиш Сильвии Ари. Публикуется по: *Adams R. The life and work of Alexander Bercovitch, artist. Montreal: Editions Marlowe, 1988. P. 119-120.*

² Очевидно, речь идет о знаменитой мечети Анау (XV в.), располагавшейся в 15 км к востоку от центра города. Это была единственная полуразрушенная кирпичная мечеть в окрестностях Ашхабада, в то время уже совершенно заброшенная. Подробно о ней: *Пугаченкова Г. А. Мечеть Анау. Ашхабад, 1959.*

Мы выдвинулись ранним вечером, надеясь найти «охотников» до того, как они уйдут на охоту.

Когда мы подошли к месту, один из товарищей зажег факел, и мы запели революционную песню. В ответ из развалин прозвучало несколько выстрелов. Мы продолжали, крича изо всех сил: «Дети, не стреляйте в нас, мы ваши друзья! Дети, вы живете теперь, как собаки, в мокрых норах. Мы дадим вам теплый дом, хорошую еду, обувь и одежду. И школу, в которой можно учиться. Мальчики, товарищи, давайте мы подойдем. Мы хотим поговорить с вами!».

Град камней, кожуры и песка летал на наши головы или в глаза. Но мы были полны решимости добраться до этих людей. Согнувшись, мы на четвереньках доползли до входа. Фигуры мальчишек, освещенные факелом, казались гротескными. Как обезьяны, они прыгали по каменным стенам. С пугающей скоростью они двигались среди этих страшных руин, свистя, воя и визжа на разных языках. Но знаменитое русское «благословение» («матерное») звучало резче и роднее всех маслянистых выражений. Нам потребовалось несколько тяжелых часов, прежде чем мы захватили эту крепость! Трое мужчин из нашей группы сняли свои куртки и отдали их лидерам. Мы, три женщины, завернули пару раздетых детей в наши шали и майки. Мы постоянно говорили это ватаге, что у них будет хорошая жизнь, если они приедут в колонию, и что, если им там не понравится, они совершенно свободно уйдут. Мы использовали всевозможные педагогические способы воздействия на них, и нам это удалось.

Серая заря, поднимающаяся над Ашхабадом, высветила следующую картину. По узким, раскисшим улицам маршировал полк самого странного и удивительного вида. Три счастливых товарища-мужчины, измученные и бледные, но с победоносными улыбками на губах, ведут армию бездомных мальчишек в персидскую баню. И три подруги мчатся в гужевой повозке в колонию, чтобы привезти в баню белье и обувь для мальчиков.

Мимо проезжал старый туркмен на осле, спешил куда-то с маслбойки. Он остановил своего осла и с большим изумлением посмотрел на странную группу. Пронзительным голосом он пропел: «Аллах! Аллах!» Может быть, старое туркменское «Аллах! Аллах!» означало то же, что и слова моей матери (пусть она покоится с миром): «Я надеюсь, что то, что я говорю, неправда, и я даже не хочу, чтобы это сорвалось с моих уст». Может быть, может быть. Но что они оба имели в виду? Это я поняла только много позже и, как говорится в сказках, что было дальше, узнаем потом.

Перевод с английского.

Приложение 2

НАЗВАНИЯ УЛИЦ И ПЛОЩАДЕЙ АШХАБАДА В ПРЕДЕЛАХ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЧАСТИ ГОРОДА

Асхабад (до 1919 г.)	Полторацк / Ашхабад (после 1919 г.)	Ашхабад (после 1991 г.)
Андижанская	Андижанская	Джелаледдина Руми
Анненковская	Октябрьской революции / проспект Ленина	проспект Туркменбаши
Апшеронская	Молланепеса	Молланепеса
Артиллерийская	Бородинская	Помма Нурберды
Аульная	9 ашхабадских комиссаров	Дангатара Овезова
Багирская	Академика Петрова	Пигама Азимова
Базарная	Первомайская (от Ставропольской до Гоголевской)	Гёроглы
Батальонная	Батальонная	Сары Гарлыева
Боголюбовская	Калинина	Ходжоу Аннадурдыева
Булыгинская	Крылова	<i>не существует</i>
Бухарская	Бухарская	Бухарская
[Вновь проведенная]	Лермонтова	Реджепа Бяшимова
Воскресенская	Кольцова	Меана-баба
Восточный пер. / Воропановская	Пролетарская	Назара Гуллаева
Генеральская	Энгельса (к западу от Текинского базара)	Азади
Геоктепинская	отрезок Хивинской между Хилковской и Крымской	<i>не существует</i>
Гимназическая площадь	Ленинский сквер	<i>безымянный</i>
Гимназический переулок	Пионерский переулок	<i>безымянный</i>
Гоголевская	Эне Кулиевой, Гоголя	Битарап Туркменистан
Гродековская	Островского	Аба Аннаева
Дагестанская	Союзная / Сеиди	Сеиди
Жандармская	Гражданская / Ашх.подпольщиков- большевиков	Ага Бердыева

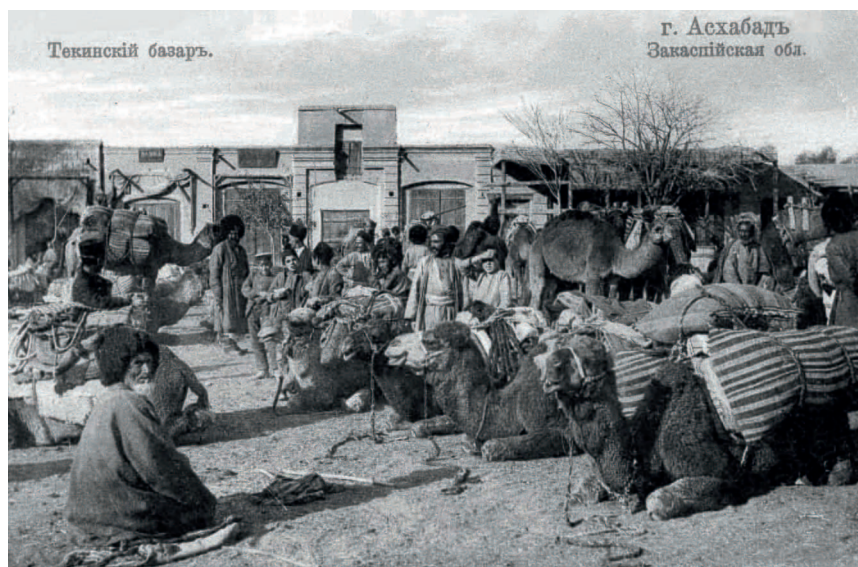
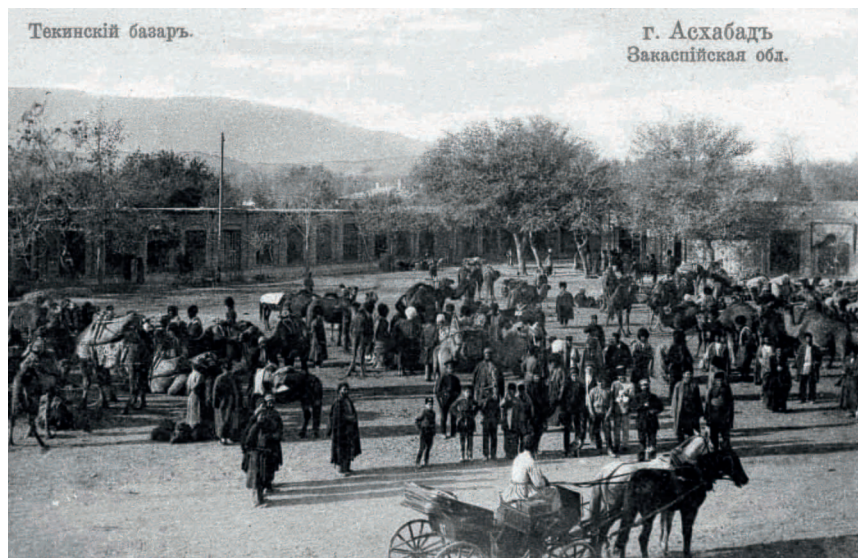
Железнодорожная	Телия, Вокзальная, Аллея Дружбы	Гурбансолтан-эдже
Журавлевская	Успенского	Кукаева
Зиновьевская	Ашгрэсовская / Тимакова	Гаипа Непесова
Зюльфагарская / Гоголевская	Эне Кулиевой / Гоголя	Битарап Туркменистан
Инженерная	Шевченко	Гёроглы
Казачий переулок	Красноармейский переулок	<i>не существует</i>
Каракумская	Хивали Бабаева	Хивали Бабаева
Кешинская / Боголюбовская	Калинина	Ходжоу Аннадурдыева
Кирпичная	Карла Либкнехта	Майи Кулиевой
Кладбищенская	Карагандинская	Хыдыра Алланурова
Козелковская	Всеобуча, Кемине	Кемине
Комаровская	Комсомольская	Тагана Бердыева
Константиновская	Самаркандская / Атабаева	Галкыныш
Красноводская	Красноводская	Кара Сейтлиева
Крымская	Алишера Навои	Алишера Навои
Кузнечный пер.	Айдогды Тахирова	Айдогды Тахирова
Куропаткинский проспект	Свободы, проспект Сталина, проспект Свободы	проспект Махтумкули
Кушкинская	Лахути	Баймухаммеда Каррыева
Лабинская	Лабинская (застроена после 1948 г.)	<i>не существует</i>
Лазаревская	Рыкова / Шаумяна	Ата Каушутова
Левашовская	Энгельса (к востоку от Текинского базара)	Азади
Лемкуловская	Лемкуловская	Кеймир-Кёра
Мамацевский пер.	Мамацевский пер.	Говшут-хана
Маргеланская	Дзержинского	Хыдыра Дерьяева
Мариинская	Возрождения	Ташли Тайлиева
Марковская	Чехова	Атамурата Ниязова
Мервский проспект (Куропаткинский пр.)	Свободы, проспект Сталина, проспект Свободы	проспект Махтумкули
Мещанская	Дехканская	Медениет
Михайловская	Гинцбургская / Коммунистическая	Ата Атаджанова <i>не существует</i>
Монастырская	Сталина / Загородная	Амандурды Мередова
Мясной переулок	Отрезок Хивинской между Крымской и Торговой	<i>не существует</i>

Невтоновская	Подвойского	проспект Битарап Туркменистан
Новая / Лазаревская	Рыкова / Шаумяна	Ата Кауштуова
Огородный пер.	<i>застроен</i>	<i>не существует</i>
Офицерская, Суботичевская	Карла Маркса	Кёшк
Самаркандская	Атабаева	Галкыныш
Петрусевица	Бунина / Максима Горького	Шаджа Батырова
Покровская	Покровского	Каюма Тангрыкулиева
Ростовская	Советских пограничников	Эсгерлер
Самурская	Крупской	Караджа Бурунова
Саперная	Шота Руставели	Айхана Хаджиева
Сендецкий переулок	Надсоновская	Амандурды Алламышева
Серахская / Пушкинская	Пушкина	Пушкина
Сивинская	Советская	Сахи Джепарова / проспект Гарашсызлык
Скобелевская площадь	площадь Карла Маркса	площадь Гарашсызлык
Соборная (бывш. Татарская)	Белинского	Махмуда Кашгари
Соколовская	Соколовского	Ага Каррыева
Ставропольская	Берды Кербабоева	Берды Кербабоева
Степная	Степная	<i>не существует</i>
Стрелковая	Некрасова	<i>безымянная</i>
Суботичевская	Карла Маркса	Кёшк
Таманская	Первомайская	Гёроглы
Татарская / Соборная	Белинского	Махмуда Кашгари
Ташкентская	Реутова	Ташкентская / Хыдыр Ата
Ташкепринская	Октябрьского революции	Клыча Кулиева
Тер-Гуасова	Гуасовская / Тер-Гуасова	Махтумкули Гарлыева
Топографская	МОПРа / 50-лет ТССР	Мяти Косаева
Торговая	Житникова	Асудалык
Тюремная	Стекольная	Амана Агаджикова
Фонтанная	Правды	<i>не существует</i>
Хивинская	Хивинская	<i>не существует</i>
Хилковская	Жуковского	Дурды Аллабердыева
Чарджуйская	Межлаука	Чары Байриева
Ширванская	Полторацкого	<i>не существует</i>
Штабная	Фрунзе	Чары Нурымова

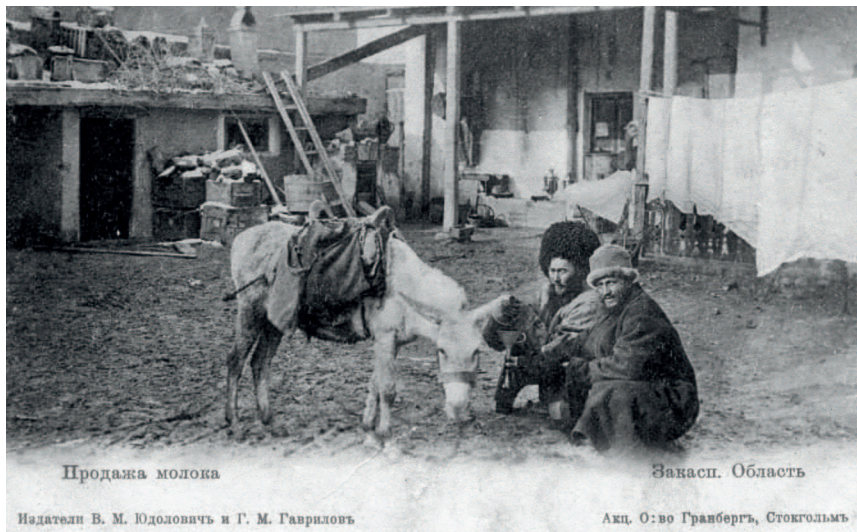
ПОЧТОВЫЕ ОТКРЫТКИ 1900-х гг.

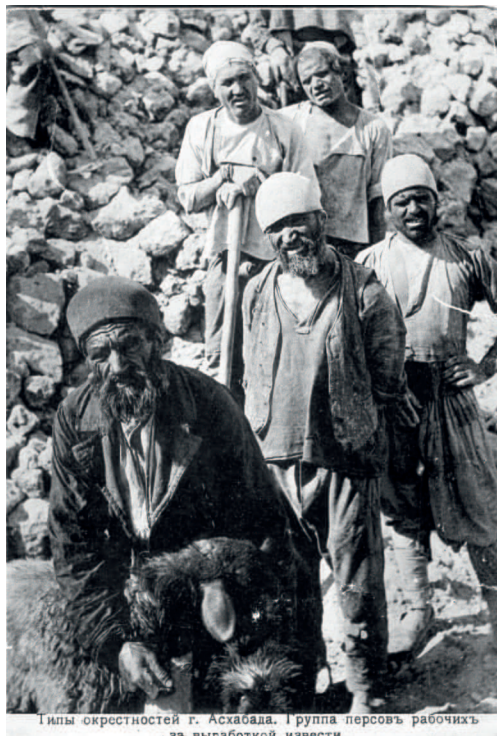
Репродукции иллюстрированных почтовых карточек, которые стали выпускаться в России с 1895 г., публикуются здесь без подписей, так все они содержат пояснительные тексты на лицевой стороне. Они печатались разными частными издателями в виде пронумерованных серий, но без датировки, однако виды и типы Закаспийской области относятся лишь к началу XX в., до 1914 г. Из большой коллекции таких открыток представлены наиболее характерные, так или иначе связанные с содержанием этой книги. Не все надписи на них корректны. Например, слова «типы окрестностей г. Асхабада» могут ввести в заблуждение, так как на самом деле там изображены не окрестности, а центр города. На карточке с надписью «Персидский праздник Шажей-Важей. Процессия на Таманской ул.» следует читать «Шахсей-Вахсей» и на снимке не Таманская ул., а угол Кирпичной и Левашовской.

Типы окрестностей г. Асхабада. I группа персовъ рабочихъ
за выработкой извести.

Типы окрестностей г. Асхабада. Цирульникъ. Группа персовъ.

Типы окрестностей г. Асхабада. Персидский праздник Шажей-Важей (постъ).
Выходъ процесси изъ мечети.

Типы окрестностей г. Асхабада. Персидский праздник Шажей-Важей.
Процессия на Таманской ул.

Асхабадъ.

Персидскій праздникъ "Шамсоей-Вахсоей".

Асхабадъ.

Тенгискій базаръ.

Асхабадъ. Черендекий кварталъ. № 6.

Асхабадъ. Геокъ-Тепинская улица. № 4.

ФОТОГРАФИИ АСХАБАДА ДО 1917 г.

Текинский базар. Фото: Д. И. Ермаков, 1885-1895.
Источник: <https://catalog.shm.ru/entity/OBJECT/2304573>

9583. Закаспийская Область, Асхабадъ. Навьюченные верблюды и погонщики. 630.

Фото: Д. И. Ермаков, 1885-1895. Из архива А. О. Сопиева

Улица старого Асхабада, 1890-е гг. Фото: Ф. Ордэн.
Из архива А. О. Сопиева

Асхабад. Персидский караван-сарай и гостиница «Европа». 1890-е гг.
Фото: Ф. Ордэн. Из архива А. О. Сопиева

Асхабад. Персидский караван-сарай и гостиница «Европа».
Внутренний двор. 1900-е гг. Из архива Р. Г. Мурадова

Асхабад. Торгово-ремесленные лавки. Конец XIX-начало XX в.
Фотография из открытых источников Интернета

Асхабад. Фото: Ф. Ордэн. Из архива Р. Г. Мурадова

Ашхабад. Базарная ул. Конец XIX-начало XX в. Из архива Р. Г. Мурадова

Ашхабад. Первая женская гимназия, в советское время – средняя школа № 1. 1900-е гг. Из архива А. О. Сопиева

ФОТОГРАФИИ
ПОЛТОРАЦКА / АШХАБАДА 1920-х гг.

Дети туркменской части Ашхабада. Почтовая карточка. 1929 г.
Из архива Р. Г. Мурадова

Здание ЦИК, Совета народных комиссаров и ЦК КП(б)Т (бывшее здание мужской гимназии на Гоголевской ул.). 1928 г. Из архива А. О. Сопиева

Празднование
Дня Интернационала
1 мая 1929 г.
Из архива
Р. Г. Мурадова

Ашхабад. «Триумфальная арка» на привокзальной площади в честь 10-летия Октябрьской революции. 1927 г. Почтовая открытка

Полторацк. Праздничное оформление здания к 8-й годовщине Октябрьской революции. 1925 г. Из архива Р. Г. Мурадова

Полторацк. Памятник Ленину в 1927 г. (до завершения облицовочных работ). Из архива Р. Г. Мурадова

Полтава. Железнодорожный вокзал. 1926 г. Из архива А. О. Сопиева

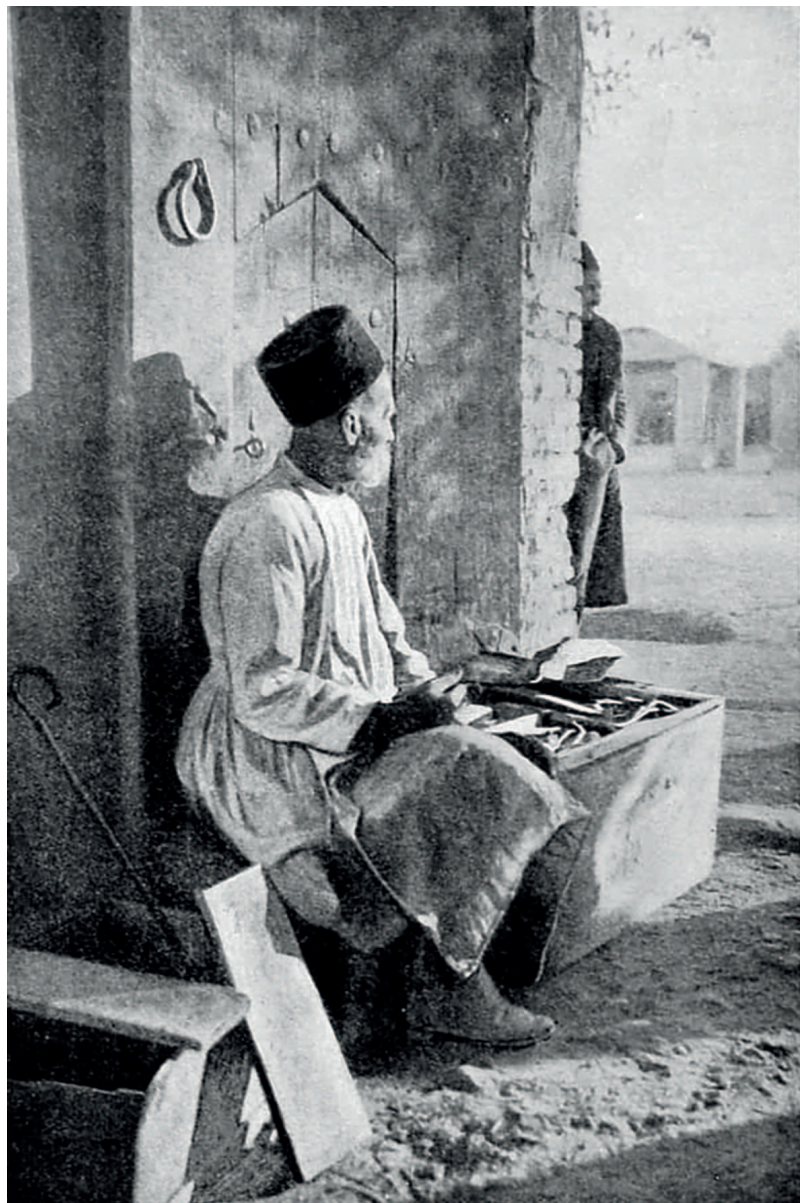
Ашхабад. Промтоварный магазин на Текинском базаре. 1928 г.
Из архива А. О. Сопиева

Ашхабад. Русский базар. Общий вид. Почтовая карточка, 1930 г.

Ашхабад. Русский базар. Торговля виноградом. Почтовая карточка, 1930 г.

Асхабад. Лавка сапожника на Текинском базаре.
Фото: Maynard Owen Williams, National Geographic. 1919 г.
Из архива Р. Г. Мурадова

Полторацк. Уличная торговля глиняной посудой. 1920-е гг.
Из архива Р. Г. Мурадова

«Походная юриспруденция».
Фото Донцова к статье Н. Романова «Очерки по истории Ашхабада»
(«Туркменоведение», 1928, № 9, с.44)

Полторацк. Дом поклонения бахаи Машрик-ул-азкар.
Вид с проспекта Свободы. 1920-е гг. Из архива Р. Г. Мурадова

Полторацк. Церковь-школа Св. Креста на углу проспекта Свободы и
Гоголевской ул. 1920-е гг. Из архива А. О. Сопиева

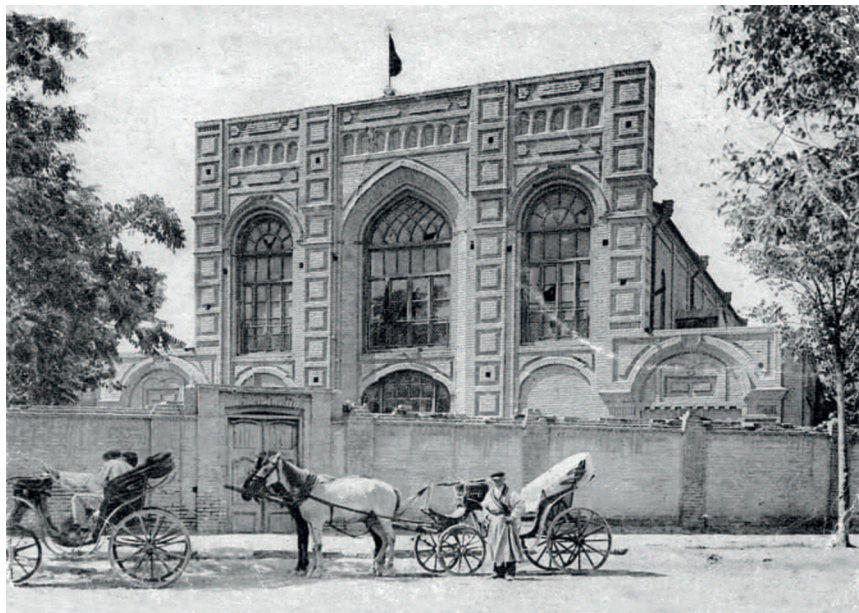
Полторацк. Воскресенский собор. 1920-е гг. Из архива А. О. Сопиева

Полторацк. Магазины
на Русском базаре.
1920-е гг.
Из архива Р. Г. Мурадова

Ашхабад. Беседка для духового оркестра в городском саду.
Почтовая карточка. 1929 г. Из архива Р. Г. Мурадова

Асхабад. Персидская мечеть на углу Кирпичной и Левашовской ул.
Почтовая карточка. 1920-е гг.

Полторацк. Кирпичная улица. 1920-е гг.
Из архива Р. Г. Мурадова

Институт туркменской культуры на Гоголевской ул. (бывшее здание канцелярии начальника Закаспийской области). 1928 г. Из архива А. О. Сопиева

Здание Туркменского Областного совета профсоюзов в траурном убранстве по случаю смерти Ленина, 1924 г. Из архива И. Р. Музафарова
Источник: <https://catalog.shm.ru/entity/OBJECT/2907865>

Полторацк. В машинном бюро Совнаркома Туркменской ССР. 1926 г.
Из архива Р. Г. Мурадова

Ашхабад. Перекресток Лабинской ул. и Огородного переулка.
1928 г. Почтовая карточка. Из архива И. Р. Музафарова

Ашхабад. Новостроечная средняя школа.
1930 г. Из архива Р. Г. Мурадова

Учащиеся Первой туркменской опытно-показательной школы.
Полторацк, Первомайская ул. Фото из кн. А. Клычева «Ашхабад» (1974)

Мечеть Анау. XV век. Фото начала XX в.
Из архива Р. Г. Мурадова

План Ашхабада, центральная часть, 1935 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие. Исчезнувший мир (Р. Мурадов).....	5
От авторов.....	25
В Ашхабаде.....	26
Базары.....	37
Толкучка.....	45
Амбалы.....	48
Караван-сарай.....	52
Мечети и церкви.....	54
Дети. Школа.....	61
Водоснабжение.....	70
Бани.....	75
Освещение.....	78
Транспорт.....	81

Приложение 1

Из воспоминаний Брайаны Беркович.....	84
---------------------------------------	----

Приложение 2

Старые и новые названия улиц и площадей исторической части Ашхабада.....	86
---	----

Почтовые открытки 1900-х гг.	89
Фотографии Асхабада до 1917 г.	98
Фотографии Полторацка / Ашхабада 1920-х гг.	103

**Ахмед Мамедович Ахундов,
Чары Овезович Овезбердыев**

ТАК БЫЛО

Очерки из прошлого Ашхабада

Р е д а к т о р
Руслан Гельдыевич Мурадов

ISBN 978-5-89930-175-9

Подписано в печать 17.04.2023. Формат 60x84 1/16.
Усл. печ. л. 5,8. Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии ООО «Буки Веди»
117393, г. Москва, вн. тер. г. Муниципальный округ Обручевский,
ул. Профсоюзная, д. 56, этаж 3, помещение XIX, комн. 321.

Воспоминания старых ашхабадцев посвящены жизни столицы Туркменистана в 1920-е годы. Они содержат колоритные картины быта тех лет, рассказывают о давно забытых реалиях провинциального города на южной окраине бывшей Российской империи, где мест памяти почти не осталось. Эта книга вносит свою лепту в наши представления о том, какова была будничная рутина ашхабадской жизни при раннем СССР. В качестве иллюстраций в книге использованы фотографии из личных архивов, а также почтовые открытки с видами города, в том числе изданные до революции. Книга рассчитана на всех, кто интересуется историей Ашхабада и подобных ему многонациональных городов Центральной Азии.

